

18+

ЛЮБОВЬ ТАНО

Хранители времени

КНИГА 1.
АРХИВАРИУС НА ВЫДАНИЕ

Любовь Тано

**Хранители времени. Книга
1. Архивариус на выданье**

«Издательские решения»

Тано Л.

Хранители времени. Книга 1. Архивариус на выданье / Л. Тано — «Издательские решения»,

Сорокатрёхлетняя архивариус Марина привыкла к одиночеству. Её мир — пыльные книги, старые папки и серый кот Аскольд. Но в один день стеллаж падает на неё, и она приходит в себя в теле молодой дворянки в Петербурге 1780 года. Теперь её зовут Мария, у неё есть дом, семья и шанс начать всё заново. Но время не терпит ошибок. И пока она учится любить, за ней наблюдает хранитель, который ждал её долгие годы. Первая книга цикла «Хранители времени».

© Тано Л.

© Издательские решения

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	7
ПРОЛОГ	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЫЛЬ, КОТЫ И НЕПРАВИЛЬНОЕ ВРЕМЯ	10
Глава 1. О пользе архивариусов и бесполезности надежд	10
Глава 2. Как не потерять голову в чужом подвале	16
Глава 3. Кот, молоко и метрическая книга на вынос	20
Глава 4. Бонжур, Тамбовская губерния!	23
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРУЖЕВО, ФРАНЦУЗСКИЙ И ПЕРВЫЙ БАЛ	29
Глава 5. О том, как начинается дружба, а кружево сближает лучше ссор	29
Глава 6. О том, как одна сказка оказалась правдивее всех других	38
Глава 7. О том, как мечта бывает горькой, а отказ началом	48
Глава 8. О том, как один отказ открывает новые двери, а шляпка может изменить жизнь	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Хранители времени

Книга 1. Архивариус на выданье

Любовь Тано

© Любовь Тано, 2026

ISBN 978-5-0071-1405-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-1406-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Моей маме,
которая научила меня любить этот мир,
даже когда он казался чужим.
Четыре года без тебя.
Я всё ещё учусь жить с этой болью.
Эта книга — не о тебе.
Но она — благодаря тебе.
Ты научила меня чувствовать,
верить и не сдаваться.
Спасибо, что ты была.
Спасибо, что ты есть.
Всегда.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга художественный вымысел. Все события, персонажи и диалоги являются плодом воображения автора, а совпадения с реальными людьми, живущими или жившими, случайны.

Однако я хочу сказать несколько слов о той любви, с которой я писала эту историю.

Петербург 1780 года не просто декорация. Это город, который я знаю и люблю. Я гуляла по тем же набережным, вдыхала тот же ветер с залива, который дул в лица моих героев. Я стояла у Успенской церкви и представляла, как Марина покупает монастырские пышки. Я смотрела на Неву и видела ту же воду, что плескалась у стен особняка на Кожевенной линии.

Но я не претендую на историческую точность. Я позволила себе некоторые вольности в датах, в деталях, в названиях улиц и учреждений. Пусть историки простят меня. Я писала не учебник, а историю о любви, о времени и о котах, которые знают больше, чем мы.

Кстати, о котах. В этой книге есть кот. Он не соответствует исторической реальности. Он вообще ничему не соответствует. Он просто есть. И он урчит, как старый трактор. Если вы когда-нибудь встретите такого знайте: возможно, он хранит время. Или просто хочет есть.

Если вы найдёте ошибку знайте: я сделала это намеренно. Чтобы вы могли написать мне и сказать: «А вот здесь неправильно!» и мы стали бы друзьями.

А если вы не найдёте ошибок напишите мне всё равно. Я люблю письма. Особенно от тех, кто понял, что всё, что вы считали концом, на самом деле только титульный лист.

*С любовью к читателям,
Любовь Тано*

ПРОЛОГ

«Всё, что вы считали концом, на самом деле только титульный лист. Дальше текст. И он написан не вами. А кем-то, кто знает о вас больше, чем вы сами»

Я всё помню.

Каждую деталь. Каждый запах. Каждое прикосновение, оставшееся в моей памяти, как след на старой бумаге. Я помню её руки тогда они были молодыми и гладкими, без морщин и въевшейся чернильной пыли. Я помню её голос чистый, звонкий, он звучал под сводами церкви так, что даже священник плакал, не стесняясь слёз. Я помню мужчину с русой бородой, который смотрел на неё так, будто видел перед собой не просто девушку, а само чудо — но в его глазах была и тень. Он уже терял однажды. И он уже боялся повторить это снова.

Я был там. Серым котёнком, который лежал под крыльцом и ждал. Я знал, что она придёт. Не знал, как и когда, но знал точно, тем древним знанием, которое не поддаётся объяснению. И когда она нагнулась, раздвинула поленья и увидела меня, я встал на дрожащие лапки и пошёл к ней. Она прошептала моё имя, и я понял: она узнала меня. Как узнаёт всегда.

Но я не был просто котёнком. Я был хранителем. Я помнил всё все жизни, все времена, все миры. Я ждал её. Я всегда ждал её.

Марина не знала этого. Она думала, что просто заняла чужое тело. Что это случайность, ошибка, странный сон. Но на самом деле она вернулась в ту жизнь, которую уже прожила однажды. Просто забыла. Как забывают сны, просыпаясь утром, оставляя в памяти только тёплое, неуловимое ощущение.

Её руки помнили, как вышивать крестиком. Пальцы — как перебирать коклюшки. Язык — французские слова, которые она учила по ночам при свете свечи. Это была не чужая память, а её собственная — просто из другой жизни. Той, которую она уже прожила. Той, которую должна была прожить снова.

Потому что душа — это не память. Душа — это свет. А память — это тени, которые он отбрасывает. И иногда тени возвращаются, чтобы напомнить: ты уже была здесь. Ты уже любила. Ты уже уходила. И ты снова вернёшься.

Десять лет я жил с ней в старой квартире на набережной Лейтенанта Шмидта, в доме Умновой. Сидел на подоконнике и смотрел на Неву. Я слушал, как она играет на фортепьяно

те же мелодии, что я слышал от неё в 1780 году. Я чувствовал, как она тоскует даже не зная, о ком. Я ждал. Потому что знал: однажды время снова призовет её. И тогда я должен быть рядом.

В тот день, когда она ушла на работу, я сидел на подоконнике и смотрел на реку. Я чувствовал: час настал. Время сгущалось вокруг неё, воздух становился плотнее. Я знал: стеллаж в архиве качнётся, и она провалится сквозь время. А я — я последую за ней. Потому что я всегда следую за ней. Через века. Через смерти и рождения. Через любые преграды.

Мир закружился, замерцал, и я снова оказался в подвале — маленьким, почти слепым, с ещё не до конца открывшимися глазами. Но я слышал её шаги. Я знал: она идёт.

Она нагнулась, раздвинула поленья и увидела меня. Я встал на дрожащие лапки и пошёл к ней, как шёл двести сорок лет вперед. И она прошептала:

— Аскольд?

Она помнила. В этот раз — всё. Не смутно, не ощущениями, не тенями, а отчётливо, ясно, как утренний свет. И я замурлыкал тем самым глухим, низким мурлыканьем, которое она слышала каждую ночь в своей старой квартире, потому что знал: теперь у нас будет больше времени. Больше жизни. Настоящей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЫЛЬ, КОТЫ И НЕПРАВИЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Глава 1. О пользе архивариусов и бесполезности надежд

Если бы кто-то спросил Марину Владимировну Самуйлович, в чём смысл её жизни, она бы ответила: «В метрических книгах». И была бы почти права.

Она сидела в читальном зале исторического архива на Кожевенной линии. За окнами капал настёрный дождь, похожий на бесконечный плач питерского неба. На столе перед ней лежала метрическая книга за 1873 год. Пахло пылью, ванилью от старых переплётов и тем сладковатым запахом бумажной плесени, который Марина любила больше любых духов. «Вот она, романтика, подумала она. Не Париж, не любовники, а плесень и метрические книги. Мечта любой девушки».

Она провела пальцами по пожелтевшей странице, и на мгновение ей показалось, что книга под её пальцами дрогнула. Не физически ощущением. Как будто бумага дышала. Как будто она хранила не просто буквы, а голоса людей, которые когда-то жили. Марина замерла, прислушиваясь, но тишина была обычной.

«Стареешь, Марина Владимировна», подумала она и усмехнулась.

Она сняла очки толстые, в старомодной оправе, и протёрла стёкла бабушкиным платком, с вышитой литерой «С». Самуйлович, значит. Семья, из которой осталась она одна. И Аскольд. Кот, названный в честь варяжского князя, потому что, когда Марина подобрала его на помойке десять лет назад серый пищащий комочек, мокрый от дождя, ей показалось, что в его зелёных глазах есть что-то древнее, княжеское. Или ей просто хотелось дать ему имя, которое никто не поймёт. Она вообще любила, чтобы никто не понимал.

Она подняла глаза на высокие потолки читального зала и в который раз подумала о том, как странно устроена судьба этого здания. Исторический архив располагался здесь с советских времён в здании, которое когда-то было купеческим особняком. По крайней мере, так гласила официальная версия.

Марина знала и другую историю. Более тёмную, более липкую, которую в архиве не любили вспоминать. Говорили, что после революции особняк разграбили, а потом в лихие двадцатые превратили в бордель. До сих пор ходили слухи, что в подвале находили старые бутылки из-под шампанского и обрывки кружев, а старожилы шептались, что по ночам из стен доносится то ли женский смех, то ли женский плач. Марина не знала, правда ли это и не хотела знать. Потому что ей нравилась её собственная версия: дом помнит чьи-то судьбы, чьи-то письма, чьи-то тайны. А не пьяные крики и звон монет.

Казалось, само время здесь текло иначе медленнее, гуще, как мёд. И каждый раз, переступая порог, она чувствовала странный резонанс, будто дом знал её и ждал.

— Марина Владимировна, у вас перерыв, — напомнила коллега из соседнего кабинета. Молоденькая, с очередным ярким маникюром, который не выдерживал и дня работы с бумагами. Марина посмотрела на свои руки сухие, с вечно въевшейся чернильной пылью под ногтями. «Вот это моя жизнь, подумала она. Чернила, пыль и кот».

— Сейчас, — отозвалась Марина, не поднимая головы.

Она перелистнула страницу и нашла запись:

«У тамбовскаго купца Дмитрія Иванова сына Воронова и законныя жены его Наталіи Петровой дочери родилась дочь Анна, крещена 14 дня мая. Восприѣмники были: тамбовскій купецъ Стефанъ Васильевъ сынъ...»

Та самая Анна, чей правнук три часа томился в читальном зале, вздыхая и постукивая пальцами по столу. Марина почти слышала, как плакал младенец, как пахло ладаном в церкви, как звенели колокола. Она видела лицо священника, склонившегося над купелью, чувствовала тепло свечей и прикосновение мокрой рубашки к коже младенца. На её губах промелькнула тень улыбки, которую никто не видел, потому что все считали её старой девой без чувств.

Это всегда случалось с ней, когда она брала в руки старые книги. Метрические книги, ревизские сказки, исповедные ведомости она не просто читала сухие строки, она видела их. Слышала. Чувствовала. Бумага хранила не только буквы, но и тепло рук, которые её касались. И иногда, если очень сильно захотеть, можно было почувствовать чужую жизнь целиком, со всеми её радостями и горестями.

Она закрыла глаза на мгновение, и перед ней встала другая картина. Не крещение, а перепись. Ревизская сказка 1782 года по Тамбовской губернии:

«Дворъ №47. Крестьянинъ Семенъ Михайловъ, 52 лѣтъ, жена его Акинья, 48 лѣтъ, дѣти ихъ: Иванъ, 20 лѣтъ, въ рекрутахъ съ прошлаго года, Степанъ, 15 лѣтъ, Марфа, 12 лѣтъ, Агафья, 8 лѣтъ, и племянникъ Григорій, 6 лѣтъ, сирота...»

Сухие строки. Но Марина видела этот двор покосившийся забор, грязный снег, избу с закопчённым окном. Видела Семёна, который стоял на пороге и хмурился, пока переписчик записывал его семью. Видела Акинью, которая прижимала к себе маленькую Агафью и испуганно оглядывалась на дверь туда, где недавно стоял её старший сын. Иван ушёл в солдаты. И вряд ли вернётся. Она чувствовала запах дыма и кислой капусты, слышала скрип половиц и тихий плач младенца, которого не было в переписи, потому что он родился прошлой ночью и ещё не был окрещён. За одно мгновение она прожила целую жизнь чужую, короткую, забытую.

Она открыла глаза и усмехнулась.

«Слишком много воображения, Марина Владимировна. Когда-нибудь оно тебя подведёт».

Но она была уверена, что это не воображение. Это память. Память бумаги, память рук, память самой жизни, которая осталась на пожелтевших страницах. Она была хранительницей. И это чувство видеть, слышать, знать было единственным, что она любила в своей работе.

«Или это просто сквозняк», подумала она и улыбнулась уголками губ. Она отняла руку от страницы, и видение исчезло. Но внутри осталось тёплое чувство она была не просто читателем. Она была хранительницей этих судеб. «Хранительница пыльных судеб, поправила она себя. Звучит почти красиво. Почти».

Старая дева. Сорок три года. Серая мышь.

Она догадывалась, как её называют за глаза. И не обижалась. Потому что это было правдой. Она одевалась в длинные серые юбки, водолазки, старомодные блузки с кружевными воротничками, которые носила ещё её бабушка. Ей было всё равно, в чём ходить, — лишь бы тело было скрыто, и никто не смотрел на неё. Одежда стала её щитом, за которым она пряталась от мира, от людей, от самой себя. Волосы когда-то каштановые, теперь с обильной сединой она закалывала в пучок на затылке. Косметики не признавала, потому что зачем? Её карие глаза за толстыми стёклами очков видели слишком много пыльных страниц, чтобы видеть собственные морщины.

Но зато у неё был голос. Низкий, глубокий, почти оперный. Она пела в церкви Успения Пресвятой Богородицы на набережной, в небольшом хоре при подворье, и когда её голос поднимался под своды старой домово́й церкви, ей казалось, что она не серая мышь, а сама Мария Магдалина, готовая петь о чуде. Она играла на фортепьяно старом «Беккере», доставшемся от прабабки, и в темноте своей гостиной, при свете зелёной лампы, она позволяла себе чувствовать. Шопена. Баха. Глинку. И никого рядом.

Кроме Аскольда. И, может быть, кроме голоса, который она прятала даже от самой себя.

Вечером, когда дождь наконец утих, Марина шла домой по набережной Лейтенанта Шмидта. Над Невой висел туман, и огни на противоположном берегу расплывались жёлтыми пятнами. Она любила этот путь мимо монументального Горного института, чьи колонны смутно белели в сумерках, мимо старого особняка Брюллова, мимо Ярославского подворья с домово́й церковью Святой Анастасии и, наконец, мимо Успенской церкви, у которой она часто брала монастырские пышки. А потом поворот, и вот он, дом Умновой, где на втором этаже горел свет в её окнах.

Дом Умновой был её гордостью и её печалью. Старый двухэтажный особняк с мезонином и большим полуциркульным окном, украшенный изящными пилястрами, смотрел прямо на Неву. Он помнил ещё петровские времена его построили в 1720-х годах, а в начале XIX века перестроили в стиле классицизма. Марина любила его за эту двойную жизнь: фасад, обращённый к реке, был парадным, почти дворцовым, а дворовая сторона тихой, задумчивой, петербургской.

Она вошла в парадную. В полумраке вестибюля её встретили шесть дорических колонн величественные, холодные, хранящие память о бывших владельцах. Она поднялась на второй этаж по широкой лестнице, и её шаги гулко отдавались в пустоте.

Она остановилась на площадке второго этажа и вдруг впервые за много лет почувствовала, что дом не просто здание. Он дышал. Воздух был плотным, тёплым, как будто стены хранили тепло сотен прожитых здесь дней. Ей показалось, что половицы под ногами чуть заметно вибрируют в такт её сердцу. Она провела рукой по деревянным перилам, и под пальцами ощутилась едва заметная вибрация. Будто дом говорил: «Я здесь. Я жду тебя. Я всегда ждал тебя».

Она моргнула, и странное ощущение исчезло. Только привычные скрипы старого дерева.

Квартира была большой четыре комнаты с высокими потолками. В гостиной, окна которой выходили и на Неву, и в Академический переулок, стоял чёрный рояль «Беккер». Марина подошла к нему, провела пальцами по крышке и села за инструмент. Сыграла несколько аккордов и сразу почувствовала себя легче.

Когда Марина была дома, квартира начинала дышать. Половицы скрипели в такт её шагам, как будто узнавали её походку. Стены хранили тепло, даже когда батареи были холодными. Она знала: дом помнит. Помнит её бабушку, её родителей, всех Самуйловичей, которые жили здесь до неё. Иногда ей казалось, что дом ждал её так же, как ждал Аскольд будто для него время текло иначе и он знал, что она вернётся, даже когда сама она в это не верила. Она проводила рукой по старому обоям, и под пальцами, и под пальцами ощутила тот же отклик.

— Аскольд, — позвала она тихо.

Кот спрыгнул с подоконника, где сидел, глядя на туман над рекой, и потёрся о её ноги. Он был старый, серый, с зелёными глазами, в которых светилась какая-то странная мудрость. Марина часто думала, что он знает о ней больше, чем она сама. «Ты точно знаешь больше, сказала она ему мысленно. Но молчишь, потому что ты кот. И тебе удобно наблюдать».

Она разогрела суп, налила коту молока в потёртое блюдо и включила радио. Старый радиоприёмник, бабушкин, зашипел, а потом заиграл Шаляпина.

«Вдоль по Питерской...»

Марина села за фортепьяно и запела вполголоса. Голос её звучал так, будто она не в пустой квартире, а в огромном соборе, и ангелы слушают. Аскольд сидел на подоконнике и смотрел на Неву, как будто ждал кого-то. Или знал, что скоро что-то изменится.

Она выключила радио и некоторое время сидела неподвижно, глядя в одну точку. Потом, словно очнувшись, медленно встала, стянула с себя старый свитер тот самый, серый, с катышками, который она носила уже лет десять, и повесила его на спинку стула. Осталась в линялой футболке, на которой когда-то был смешной принт, но теперь от него остались только бледные разводы. «Хоть бы принт остался, подумала она. Хоть какой-то намёк на то, что у меня была жизнь».

Она прошла на кухню, открыла холодильник. Там было пусто и холодно. Пара яиц, засохший кусок сыра, открытая пачка масла и кефир, срок годности которого истёк два дня назад, но она всё равно налила его в стакан. Кефир был кислым, но это было даже привычно. Готовить ужин для одной себя не хотелось: кастрюли казались слишком большими, плита слишком горячей, а мысли о том, чтобы нарезать овощи или разогреть сковороду, вызывали только усталость. Зачем? Всё равно никто не разделит с ней эту еду. «Если я умру, подумала она, глядя на кислый кефир, меня найдут через неделю, и в холодильнике будет та же картина. Это будет моя эпитафия: „Здесь лежит женщина, которая пила кефир с истекшим сроком“».

Она выпила кефир залпом, чувствуя, как холод разливается по пустому желудку, и поставила стакан в раковину. Завтра, если не забудет, купит что-нибудь в магазине за углом. Или не купит.

Она вернулась в гостиную, сняла очки и положила их на столик. Аскольд уже ждал её на диване сидел ровно посередине, глядя на неё своими зелёными глазами, будто говорил: «Я здесь. Я жду». Она легла на диван, и он сразу устроился у неё на груди. Он урчал, как

старый трактор, и его тепло было единственным, что согревало её. Она погладила его по голове, чувствуя, как от его мурлыканья уходит напряжение.

Завтра опять архив. Опять запросы, опять метрические книги. Опять читальный зал и запах пыли. А потом дом, пустой холодильник, кефир на ужин и кефир на завтрак. И сон. Бесконечный, одинаковый сон, из которого не хотелось просыпаться.

— Надейся, прошептала она коту. Мне уже не на что.

Она закрыла глаза и прошептала в потолок:

— Господи, зачем я здесь? Зачем я вообще нужна?

Ответа не было. Только туман за окном и урчание кота.

— Хотя бы ты, — сказала она Аскольду, — ты меня не бросишь. Ты единственный мужчина в моей жизни, но даже ты иногда уходишь на подоконник.

На следующий день она спустилась в хранилище. Туда, где лежали дела, к которым не было доступа у читателей. Старые описи, судебные дела купцов, планы застройки. Она искала чертежи старинного особняка на Миллионной улице, дом 17 историк из Эрмитажа заказал копии для выставки.

Она нашла папку с пожелтевшими листами и открыла её. На титульном листе было написано:

*«Опись строениям и покоем, принадлежащим генерал-аншефу
и кавалеру Александру Ивановичу Ушакову, начальнику Канцелярии
Тайных розыскных дел, в Санкт-Петербурге состоящего, 1754 году».*

Марина провела пальцем по буквам. Она знала это имя. Ушаков был одним из тех, кто вершил судьбы людей в мрачные времена. И теперь она держала в руках чертежи его дома того самого, который стоял на Миллионной уже двести пятьдесят лет.

Она перелистнула страницу и увидела план первого этажа: парадные залы, анфилады комнат, потайные лестницы. Она представила, как по этим коридорам ходил сам Ушаков, как здесь обсуждались дела, которые могли стоить жизни. Она почувствовала, как время сжимается вокруг неё, связывая прошлое и настоящее.

Она стояла между стеллажами, и вдруг ей показалось, что кто-то шепчет её имя. Не голос ощущение. Как будто воздух стал плотнее. Как будто время замерло. Она обернулась никого. Только пыль и старые папки. Но внутри неё что-то дрогнуло. Как будто кто-то ждал её. Как будто она должна была быть здесь. Прямо сейчас. Именно в этот миг.

Она моргнула, прогоняя странное ощущение, и усмехнулась своим мыслям. «Ну ты даёшь, Марина Владимировна, подумала она. Скоро начнёшь с призраками разговаривать».

— Марина Владимировна, вы опять оформили запрос не по форме! — услышала она голос молоденькой коллеги из отдела делопроизводства.

Марина подняла голову и посмотрела на неё поверх очков.

— Я оформила его так, как всегда, оформляю. И он уже десять лет работает.

— Но у нас новый регламент!

— Новый регламент, — спокойно сказала Марина, — не отменяет здравого смысла. Если человек ищет метрическую книгу 1873 года, а вы просите его указать номер фонда, который он не знает, вы не облегчаете ему работу, вы усложняете её.

Коллега открыла рот, чтобы возразить, но Марина уже отвернулась к полке. Внутри неё кипело тихое раздражение, но она не позволяла ему выплеснуться наружу. Зачем спорить? думала она. Они всё равно не поймут.

Она стояла между стеллажами, тянулась к верхней полке, и вдруг почувствовала, как что-то дрогнуло. Сначала тихо, потом громче. Металлический стеллаж качнулся и начал падать.

Марина не успела даже вскрикнуть.

Тяжесть обрушилась на неё, и мир погас. Он рухнул на неё с такой уверенностью, будто ждал этого момента всю свою металлическую жизнь.

Но перед этим в ту долю секунды, когда между жизнью и смертью зазвенела тишина, она услышала чей-то голос. Старый, скрипучий, но отчётливый:

— Ну что, Марина? Довольно быть архивной пылью. Пора стать чьей-то историей.

Она подумала, что это бред. Что она сошла с ума. Но бред не должен быть таким отчётливым...

А потом провалилась в темноту — и эта темнота казалась бесконечной, наполненной тихим гулом, похожим на дыхание времени

Глава 2. Как не потерять голову в чужом подвале

Она очнулась от того, что кто-то тряс её за плечо.

Сознание возвращалось медленно, с вязкой тяжестью, как будто она всплывала со дна. Сначала боль. Тупой, ноющий стук в затылке, который отдавался в висках.

Потом запахи. Не архивная пыль и ваниль, а сырая земля, кислая капуста и что-то резкое, дубильное, отчего першило в горле.

— Очнулась, жива, поди! — скрипучий голос пробился сквозь звон в ушах.

Марина попыталась открыть глаза, но веки были тяжёлыми, как чугунные. Она с трудом разлепила их и увидела над собой каменный сводчатый потолок. Сырой, тёмный, покрытый вековой копотью.

— Где... — прошептала она, и голос прозвучал незнакомо — выше и звонче, чем обычно.

— В подвале, милая, в подвале, ответил тот же голос. Каким же это образом вы, сударыня, в подвале очутиться изволили? Я вас нашёл на полу без памяти.

Марина медленно повернула голову. Рядом стоял мужчина сухой, подтянутый, с аккуратной седой бородкой клинышком. На нём был строгий тёмный сюртук, а на поясе висела связка ключей. Он смотрел на неё с беспокойством и настороженностью.

— Кто вы? спросила она, и голос опять прозвучал чужим.

— Фёдор Юрьевич я, сударыня, управляющий здешнего дома. Вы в доме купца Михаила Ивановича Воронцова. Помните ли? Вы приехали погостить к Михаилу Ивановичу и барышне Елизавете Михайловне. Сегодня утром вы изволили прибыть, я вас в гостевой комнате определил, а вы, видать, в подвал полезли и упали. Головой, стало быть, ударились.

Марина отряхнула платье и поднялась, чувствуя, как мир качнулся. Она зажмурилась, ухватившись за край каменной ступени, чтобы не упасть.

— Я... не помню, прошептала она.

— Ну, память, чать, со временем вернётся, сказал Фёдор Юрьевич не слишком уверенно. Пойдёмте-ка, я отведу вас к Ольге Петровне, к поварихе нашей. Она вас на ноги поставит.

Он подхватил её под локоть, помогая подняться. Марина встала на ноги и поняла, что она... лёгкая. Слишком лёгкая. Её тело не слушалось, но не так, как привыкла она, Марина Владимировна Самуйлович, женщина сорока трёх лет с уставшей спиной и вечно болящими коленями. Это тело было другим. Молодым, упругим, почти невесомым.

— Что со мной? спросила она, чувствуя, как паника поднимается изнутри.

— Головой, говорю, ударились, повторил Фёдор Юрьевич. Идёмте, идёмте, не стойте.

Подобрала юбки и шагнула вперёд — но ноги подкосились. Управляющий подхватил её и, не спрашивая разрешения, поднял на руки. Марина хотела возмутиться, но сил не было.

— Ох вы, лёгонькая какая, пробормотал он, направляясь к лестнице. Истинно пёрышко.

Он вынес её из подвала по крутой каменной лестнице, поднялся на первый этаж, прошёл через тёмный коридор и толкнул дверь в кухню.

Там было жарко. Настоящее, густое тепло, какое бывает только у русской печи, оно обволакивало, заставляло кожу покрываться испариной и сразу же хотелось сбросить лишнюю одежду. Пахло свежим хлебом, который только что вытащили из печи, топлёным маслом и чем-то сладковатым может быть, мёдом, а может, сушёными травами, развешанными над очагом. Где-то шипело на сковороде, и этот звук был таким домашним, что у Марины на мгновение защипало в глазах.

У печи стояла крупная, дородная женщина. Её лицо покраснело от жара, и капельки пота поблёскивали на висках, но она улыбалась широко, открыто, той особенной улыбкой, которая бывает у людей, привыкших кормить целую семью. На ней был чистый белый передник, завязанный сзади бантом, и накрахмаленный чепец, который держался на голове с удивительным упорством, несмотря на всю кухонную суету. Её руки были в муке, и она то и дело отбрасывала с лица выбившуюся прядь тыльной стороной ладони, оставляя на лбу белую полосу.

Повариха обернулась на звук шагов, и её взгляд упал на Марию, которую Фёдор Юрьевич держал на руках.

— Ольга Петровна, сказал Фёдор Юрьевич, опуская Марину на лавку у печи. Вот, привёл. В подвале нашёл. Без памяти была. Говорит, ничего не помнит.

— Батюшки-светы! воскликнула она, всплеснув руками, и облако муки взметнулось в воздух. Да что ж это с тобой, родимая, приключилось-то?

— Фёдор Юрьевич, послали бы за лекарем, Христа ради!

— Уж послал, сказал управляющий. Отродясь такого не, бывало, чтобы гостя в первый же день в подвал полезла и голову разбила.

Марина сидела, глядя на свои руки. Они были... другими. Тонкие, изящные, с длинными пальцами, без единой морщинки. Без въевшейся чернильной пыли под ногтями. Она провела кончиками пальцев по лицу — очков не было, но она видела. Почти идеально.

— Я... начала она и осеклась.

Кто она? Как её зовут? В голове вихрем кружились обрывки воспоминаний. Старая квартира на набережной Лейтенанта Шмидта. Аскольд. Архив. Стеллаж.

А потом — пустота. Если боги и существуют, — подумала она, — то они явно обладают чувством юмора — забросить сороклетнюю архивариусу в тело явно молодой девицы в далёкое прошлое или вообще в другой мир.

И вдруг, из глубины, из какой-то забытой части сознания, всплыло имя.

— Мария, — сказала она, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Меня зовут Мария.

Ну, Мария так Мария, кивнула Ольга Петровна. Так вы, стало быть, у нас гостя Михаила Ивановича. Он писал о вас говорил, что приедет дочь его друга из Тамбовской губернии. Мы вас ждали. А вы, поди, в подвал пошли чего-то искать и упали.

Марина молчала. Внутри неё жило два имени. Два человека. Одна Марина Владимировна Самуйлович, сорок три года, архивариус. Другая Мария Дмитриевна Попова, восемнадцать лет, дочь священника, мечтающая об учёбе в Смольном институте. Они сплетались, как нити, и она не знала, какая из них настоящая.

Через час пришёл лекарь невысокий, сутулый старик с большим саквояжем. Он осмотрел её голову, нащупал шишку, покачал головой.

— Ушиб, сударыня, сильный. Память может и не сразу вернуться. А может, и вовсе не воротиться, — сказал он. — Вам надлежит соблюдать ныне совершенный покой и душевное спокойствие. День-другой извольте не покидать вашей горницы.

— Где же я посижу? тихо спросила Мария. Я только приехала, у меня даже комнаты нет. Ольга Петровна всплеснула руками.

— Как нет? Фёдор Юрьевич, отведёт тебя в твою комнату, на втором этаже, у лестницы. Полежи, приди в себя. Хозяева сегодня в городе, до вечера не будут, так что никто не потревожит. А как вернутся я им скажу, что ты уже здесь. Они знают, что ты приехала, и ждут тебя.

Марина почувствовала, как по коже пробежал жар. Она не была чужой. Она была желанной.

— Спасибо вам, Ольга Петровна, — сказала она. И вам, Фёдор Юрьевич.

— Не за что, родимая, — улыбнулась повариха. Ты у нас теперь. Мы о тебе позаботимся. Управляющий кивнул и повёл Марию наверх.

Комната оказалась крошечной каморка с одним окном, выходящим во двор. Койка, простой стул, тумбочка, на которой лежал дорожный мешок. Мешок Марии.

— Здесь вы и будете жить, — сказал Фёдор Юрьевич. Располагайтесь. Ольга Петровна принесёт вам поесть. К вечеру хозяева вернутся, я вас и представлю. А пока отдыхайте.

Он закрыл дверь, и Марина осталась одна.

Она медленно подошла к тумбочке и развязала мешок. Внутри было немного, но каждая вещь казалась драгоценной.

Смена белья грубоватого, но чистого. Два платья: серое, будничное, и тёмно-синее, с белым воротничком, для выходов. Шерстяная шаль, связанная заботливыми руками матери, в ней ещё чувствовался запах тамбовских трав и деревенского дыма. Маленькое письмо, перевязанное суровой ниткой, она не решилась его открыть, только прижала к груди. Деревянный гребень. Синяя шёлковая лента для волос единственное украшение, которое она взяла с собой. Маленькое зеркальце в берестяной оправе. Холщовый мешочек с сушёными травами: от простуды, от головной боли, от тоски.

И ещё три книги.

Первая — тонкая, в потёртом кожаном переплёте. «О должностях человека и гражданина». Марина открыла её и увидела на титульном листе аккуратную надпись: «Марии Поповой, в назидание, от любящего отца». Книга была зачитана до дыр страницы пожелтели, на полях виднелись пометки, сделанные карандашом.

Вторая — французский букварь и грамматика. Те самые, по которым учились в Смольном институте. Марина провела пальцами по обложке и почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Она хотела туда. Она мечтала.

Третья — самая тонкая, почти истлевшая. Это была выписка из Устава Смольного института, переписанная от руки мелким, старательным почерком. Марина развернула лист и прочитала: «Принимаются девицы от 6 до 18 лет из дворянских и разночинских семейств...»

Она закрыла глаза. Вот оно. Вот ради чего она, Маша, поехала в Петербург. Не просто служить. Учиться. Попасть в этот институт, стать образованной, вырваться из бесконечной вереницы деревенских будней.

Марина убрала книги в сторону и взяла зеркальце. Поднесла к лицу и замерла.

Из отражения на неё смотрела незнакомка — молодая, красивая, с огромными карими глазами, обрамлёнными пушистыми ресницами, и толстой каштановой косой, которая спускалась ниже пояса. Кожа была белой, как молоко, лицо тонкое, почти кукольное. Миниатюрная,

ладная, но при этом с мягкими, женственными линиями. Марина провела пальцами по щеке гладкой, без единой морщинки. Она не верила своему отражению. Она смотрела на себя и видела чужую.

— Господи, — прошептала она. Какая же ты красивая, Маша...

Марина стояла перед маленьким зеркальцем и смотрела на незнакомку. Она знала, что это тело не её. Но когда она пошевелила пальцами, они подчинились ей легко и привычно. Она заговорила по-французски и слова лились сами собой. Она взяла иголку с ниткой и руки сами вывели ровный стежок.

Она чувствовала себя так, будто въехала в чужой дом, где всё уже было готово для жизни. Стены были чужими, но мебель стояла на своих местах. Книги лежали на полках. На кухне ждал завтрак.

Она закрыла глаза и прислушалась к себе. Где-то глубоко внутри, в самой тишине, она чувствовала чужое присутствие. Не голос — скорее тень голоса. Не мысль — скорее отголосок мысли. Это была Маша. Она ушла, но оставила всё, что умела.

Что случилось с твоей душой, Маша? прошептала Мария. Где ты теперь?

И ей показалось, что кто-то ответил ей из тишины. Не словами — чувством. Тёплым, спокойным, почти благодарным. «Я здесь. Я ушла, чтобы ты могла жить. Но я оставила тебе всё, что умела».

Мария открыла глаза и посмотрела на своё отражение. На неё смотрела незнакомка, но в её глазах уже не было чужого света. Она была дома. В чужом теле, в чужом времени, но дома.

Она долго рассматривала себя, поворачивая голову то так, то эдак. Это было странно видеть себя молодой, свежей, почти незнакомой. Сорок три года, седина, усталость, старомодные очки всё это осталось там, в 2025 году. А здесь новая жизнь, новое тело, новая надежда.

Но странно она почти не испытывала ужаса. Не было ни паники, ни желания забиться в угол и закричать. Может быть, потому что она, будучи начитанной и любопытной девицей, читала о переселении душ. О том, как души переходят из одного тела в другое, как они помнят прошлые жизни, как иногда случаются «неправильные» переходы и человек оказывается не в своём времени. Она читала об этом в книгах по эзотерике, в исторических хрониках, в случайно попавшихся статьях. Она даже находила это забавным. Теоретически. Когда это случилось с кем-то другим.

А ещё она узнавала это тело. Странно, но её пальцы помнили, как вышивать крестиком. Её язык помнил французские слова. Её руки помнили тяжесть молитвенника. Это было не чужое тело — это была её собственная кожа, просто из другой жизни. Как будто она всю жизнь носила перчатки, а теперь сняла их.

«Наверное, я просто слишком много читала, — подумала она. Или слишком много мечтала. И теперь мои мечты решили проверить, готова ли я к ним».

Она вздохнула, отложила зеркальце и решила, что раз уж она здесь, то будет жить. По-настоящему. Впервые за сорок три года.

А ещё она вдруг вспомнила, что за окном уже начинает темнеть, а она ещё не знает, где здесь... ну, самое необходимое.

Глава 3. Кот, молоко и метрическая книга на вынос

Она выглянула в коридор — никого. Пришлось выйти во двор, где за сараем стояла дощатая будка с ведром. Мария закрыла глаза, сделала глубокий вдох и сказала себе: «Ты выжила в архиве без интернета. Ты пережила обвал стеллажа. Ты переживёшь и это».

Когда она вернулась, в коридоре её встретила Дуняша — горничная, которая пришла позвать её к ужину.

— Ты чего такая красная? спросила Дуняша с любопытством.

— Я... наслаждаюсь свежим воздухом, ответила Мария, стараясь не думать о том, что только что испытала.

Дуняша засмеялась, но ничего не сказала.

Мария умылась из кувшина, переделась в серое платье — оно было простым, но ладным, сидело по фигуре, подчёркивая тонкую талию. Волосы она заплела в тугую косу, как делала это всегда, и удивилась, как легко и привычно легли пальцы. Это была не её привычка — это была привычка Маши. Но теперь — её.

В дверь постучали.

— Мария, — раздался голос Ольги Петровны. Я тебе поесть принесла. Открывай.

Мария открыла дверь. Повариха стояла на пороге с большим подносом, на котором дымилась миска щей, лежал ломоть ржаного хлеба, кусок пирога с капустой и стоял глиняный кувшин с молоком.

— Вот, поешь, родимая, — сказала Ольга Петровна, входя в комнату и ставя поднос на тумбочку. С дороги-то небось голодная. Да и голова после ушиба — ей силы нужны.

Мария смотрела на неё с тёплым чувством. В глазах поварихи не было ни подозрения, ни настороженности — только искренняя забота.

— Спасибо вам, Ольга Петровна, — сказала она. Вы так добры ко мне.

— А то, как же, — отмахнулась повариха. Ты ж дочка друга Михаила Ивановича, не чужая. Он про тебя сказывал, что Дмитрий-то, отец твой, в письмах писал, какая ты у них умница да рукодельница. — Она вздохнула, поправляя передник. — У меня своих деток не было, так я всех молоденьких в доме опекаю. И Гришку, и Дуняшку, и тебя теперь.

Мария улыбнулась. Ей было тепло от этих слов. Она вдруг почувствовала, что здесь, в этом доме, её не просто приняли — её ждали.

— А можно мне, — спросила она робко, — газету сегодняшнюю почитать? Я... я люблю знать, что в мире делается.

Ольга Петровна удивилась, но кивнула.

— Газету? Ну, у Фёдора Юрьевича спроси. Он выписывает «Санкт-Петербургские ведомости», Михаил Иванович велит. Я пошлю за ним.

Она вышла, и через несколько минут в дверь постучал управляющий. В руках он держал сложенный лист плотной бумаги — свежий номер «Санкт-Петербургских ведомостей».

— Держите, сударыня, — сказал Фёдор Юрьевич, подавая ей газету. — Вы, я гляжу, грамотная. Что ж, читайте на здоровье.

Мария взяла газету с благоговением. Она пахла типографской краской и бумагой — знакомым, почти домашним запахом, который она так любила в архиве. Она развернула лист и прочитала дату наверху:

«Санктпетербургскія Вѣдомости. №65. 1780 года Августа 15 дня».

Сердце ёкнуло.

— Пятнадцатое августа, — прошептала она. — 1780 год.

Она перечитала ещё раз, всматриваясь в старые буквы, в вычурный шрифт. 15 августа. Тот же день, что и в её 2025 году, когда она сидела в архиве и листала метрические книги. Та же дата, только на двести сорок пять лет раньше. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок. Совпадение? Или знак от богов, которым плевать на наши планы? — усмехнулась она. — Боги времени, боги судьбы, боги любви — все они, кажется, решили поиграть с ней в свои игры.

Она снова посмотрела на газету, на выцветшие буквы. Это было реально. Это было здесь. Она сидела в комнате для прислуги в доме купца Воронцова, держала в руках газету двухсот сорокапятилетней давности и читала о том, что происходило в мире, который она знала только по учебникам и архивам.

Она пробежала глазами по колонкам: объявления о продаже домов, известия о прибытии кораблей в порт, указы Сената. Обычные, будничные новости. Но для неё они были чудом. Она читала, и пальцы её дрожали.

Она смотрела на пожелтевшие страницы и вдруг поняла: она знает, что будет дальше. Она знает, кто станет императором после Екатерины. Она знает, какие войны произойдут, какие реформы пройдут, какие судьбы сломаются и какие города сгорят. История была для неё не просто текстом в учебнике — она была живой, дышащей, настоящей.

И она была здесь.

Она провела пальцем по строчкам и задержалась на указе Сената о новом налоге. Ей вдруг стало странно от мысли, что этот налог отменят через двадцать лет. Что люди, которые сейчас спорят о нём, уже давно умрут, а их дети и внуки будут жить в другой стране, с другими законами, с другими мечтами.

«Я знаю, что будет, — подумала она. — Я знаю, какие события произойдут. Но я не могу ничего изменить. Или могу?»

Она закрыла глаза на мгновение. Что, если бы она сказала кому-то, что знает будущее? Что, если бы она попыталась остановить войну, которая ещё не началась? Или спасти человека, которого ещё не убили?

Она открыла глаза и усмехнулась.

«Ты не можешь изменить историю, Марина, — сказала она себе. — Ты здесь не для этого. Ты здесь, чтобы жить. Чтобы любить. Чтобы быть счастливой».

Но в глубине души она знала: если когда-нибудь у неё появится шанс что-то изменить — она сделает это. Не ради истории. Ради тех, кого любит.

— Что там пишут? — поинтересовался Фёдор Юрьевич, глядя на неё с любопытством.

Мария подняла на него глаза и, чуть улынувшись, прочитала вслух:

— «В Москве, в доме купца Лопухина, открылась новая лавка с французскими и немецкими книгами...» — она перевела дыхание. — Вот что пишут.

Управляющий усмехнулся.

— Книги — это по вашей части, я погляжу.

— По моей, — тихо подтвердила она.

Она ещё долго читала, сидя на койке, пока щи остывали. Новости были простыми, живыми, настоящими. Она узнавала Петербург 1780 года не из книг, а из первых рук. Газета была для неё окном в этот новый мир, в эту новую жизнь.

Наконец она отложила газету, съела щи, запила молоком и почувствовала, как силы возвращаются. Голова больше не болела, только лёгкая тяжесть напоминала об ушибе.

Она встала, поправила платье и решила: выйдет во двор. Осмотрится. Узнает, где она оказалась.

Глава 4. Бонжур, Тамбовская губерния!

Она спустилась по лестнице, прошла через кухню (Ольга Петровна проводила её одобрительным взглядом) и вышла во двор. И замерла.

Куры, корова, лошади, кролики, собаки, свинья. Запах дубления, сена и свежего хлеба. Прямо сейчас, в этом дворе, текла жизнь — простая, настоящая, пахнущая хлебом и дымом. 1780 год. Петербургская окраина.

Мария остановилась посреди двора и оглянулась. За высоким забором виднелись трубы заводов и крыши домов. Где-то рядом шумели кожевенные фабрики. Воздух был тяжёлый, дубильный, но в нём чувствовалась жизнь — грубая, живая, настоящая.

А потом она услышала писк. Тонкий, жалобный, почти неслышный — он доносился из-под старого крыльца.

Мария нагнулась, раздвинула поленья, сложенные у стены, и заглянула в полумрак. Там, на соломе, лежал выводок котят — совсем маленьких, недели две от роду. Они жалобно пищали, тыкаясь друг в друга. И среди них, чуть поодаль, сидел пятый.

Он не пищал. Он просто смотрел на неё осмысленными зелёными глазами. Серый, тощий, с большими ушами.

Сердце Марии пропустило удар.

— Аскольд? прошептала она.

Котёнок моргнул. В его зелёных глазах мелькнул странный свет — не просто отражение солнца, а что-то живое, осознанное. Она уже видела этот свет. В тот день, когда нашла его на помойке десять лет назад. Он всегда загорался, когда что-то должно было случиться. Она не знала, что именно, но знала: кот знает больше, чем говорит.

И вдруг, собрав все свои крошечные силы, он встал на дрожащие лапки и, шатаясь, побрёл к ней. Прямо к ней. Как будто знал, что она его ждёт. Как будто ждал её сам.

Она протянула руку, и серый комочек ткнулся носом в её ладонь. Тёплый, живой, пахнущий молоком и соломой.

Он поднял голову и посмотрел на неё. Не так, как смотрят котята — слепо и доверчиво. А так, будто видел её раньше. Будто знал. В его зелёных глазах мелькнул странный свет — не просто отражение солнца, а что-то живое, осознанное. Мария замерла на мгновение. Ей показалось, что котёнок смотрит на неё так, как смотрел бы старый друг, встреченный после долгой разлуки. Она моргнула — и видение исчезло. Перед ней был просто серый комочек,

который тыкался носом в её ладонь. По телу пробежала дрожь — не от холода, от узнавания. Он замурлыкал — тихо, доверчиво, тем самым урчанием, которое она слышала каждую ночь в своей старой квартире на набережной Лейтенанта Шмидта.

Мария взяла его на руки, прижала к груди, и слёзы наконец хлынули из глаз.

— Ты пришёл, — прошептала она. — Ты всегда приходишь».

Котёнок поднял голову и посмотрел на неё. В его глазах снова мелькнул тот же свет, что и под крыльцом. Но теперь Мария заметила кое-что ещё — в этом взгляде была не просто узнавание, а обещание. Будто он хотел сказать: «Я здесь. Я с тобой. Я не оставлю тебя».

Она моргнула, и свет исчез. Котёнок ткнулся носом ей в шею и замурлыкал громче.

Она стояла посреди купеческого двора, сжимая в ладонях единственное, что связывало её с прошлым и, возможно, с будущим. Прямо сейчас она не знала, кто она — Марина или Мария. Она не знала, зачем её перенесло сюда. Но она знала одно: она не одна.

Она пошла обратно в дом, поднялась в свою комнату и села на койку, держа котёнка на коленях. Погладила его серую шерсть. Посмотрела в его зелёные глаза.

— Значит, так, сказала она ему. — Мы здесь. Вместе. И будем разбираться.

Она открыла молитвенник Марии и перекрестилась — медленно, истово, как делала это всегда, сначала в Успенской церкви, а теперь здесь, в крошечной комнате над купеческим двором. Губы её зашевелились, и голос — низкий, чистый, почти оперный — наполнил пространство:

«Отче наш, Иже еси на небесѣх! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Слова лились легко, привычно, будто она знала их с детства. И она действительно знала: с самого раннего возраста, когда бабушка водила её в церковь, когда она пела на клиросе, когда каждый вечер шептала эту молитву в темноте своей пустой квартиры. Но сейчас она читала её не для себя. Для Маши — той, чьим телом жила, чью мечту унаследовала, чью судьбу должна была прожить.

Котёнок на её коленях притих, наострил уши, а потом, полностью узнав этот голос, свернулся калачиком и заснул. Его дыхание стало ровным, тёплое тельце прижималось к её животу, и Мария чувствовала, как вместе с молитвой уходят напряжение, страх и одиночество.

Она дочитала молитву до конца, перекрестилась ещё раз и закрыла молитвенник. В комнате стало тихо. Только за окном кто-то крикнул на дворе, заржала лошадь — и тут, разрывая вечернюю тишину, с заводской стороны ударил колокол. Гулко, настойчиво. Мария вздрогнула, услышав этот звук — такой же, каким через двести лет будут будить город заводские гудки. Только этот был старше. Он звал не на работу, а в саму историю.

Она смотрела на Аскольда, который свернулся у неё на коленях, и вдруг подумала о том, что сегодня 15 августа. Тот же день, что и в её 2025 году и вдруг её кольнуло:

— Ты знал, да?

Котёнок открыл глаза, посмотрел на неё и моргнул — медленно, осмысленно, будто говорил: «Я же тебе говорил».

Она сидела неподвижно, гладила серую шёрстку и смотрела в окно. Её комната выходила во внутренний двор, и там, за мутным стеклом, качалась верхушка старого тополя — такого же, как тот, что рос у дома на набережной Лейтенанта Шмидта, у окна её спальни. Только этот тополь был моложе, тоньше, но такой же живой и упрямый, как и всё, что она видела вокруг.

— Ну что, — сказала она коту, — мы здесь. И будем жить.

В дверь постучали.

— Мария, вы здесь? раздался голос Фёдора Юрьевича. Хозяева изволили вернуться. Михаил Иванович желает вас видеть. И барышня Елизавета Михайловна. Пожалуйста, я вас представлю.

Мария вздохнула, поцеловала котёнка в макушку и посадила его на подушку.

— Лежи здесь, сказала она. — Я скоро вернусь.

Она встала, одёрнула платье, поправила волосы и вышла за дверь.

Фёдор Юрьевич ждал её в коридоре. Он окинул её быстрым взглядом — платье чистое, волосы прибраны, лицо бледное, но глаза уже не такие растерянные, как утром.

— Ну что ж, пойдёмте, — сказал он и повёл её по широкой лестнице на второй этаж.

Они прошли через парадные комнаты — высокие, светлые, с огромными окнами, выходящими на Неву. Мария с любопытством разглядывала обстановку: дубовые панели, изразцовые печи, портреты в золочёных рамах. Всё это она видела в архивах на фотографиях и чертежах, но здесь, вживую, это было совсем другим. Живым. Пахло деревом, воском и свечами.

Фёдор Юрьевич открыл дверь в просторную гостиную и посторонился, пропуская её вперёд.

Мария взяла себя в руки и перешагнула порог. И остановилась. В гостиной было сумрачно только несколько свечей горели в подсвечниках на каминной полке. Но в тот миг, когда она вошла, пламя вдруг дрогнуло и заметалось, будто встрепенувшись. Свечи вспыхнули ярче, отбрасывая на стены пляшущие тени. Мария моргнула и пламя снова стало обычным, ровным, словно ничего не случилось.

— Проходите, сударыня, — сказал Фёдор Юрьевич, не заметив ничего странного.

— Вот, Михаил Иванович, — сказал он. — Новая ваша гостья, Мария. Прибыла сегодня. Оно, конечно, поначалу недоразумение вышло — в подвал упала, голову ушибла, память потеряла. Но уже оправилась, глядишь, и вовсе придёт в себя.

Мария подняла глаза.

У камина стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, с густой русой бородой, тронутой сединой. Ему было около сорока пяти — столько же, сколько отцу Дмитрию. На нём был тёмный кафтан, дорогой, но не слишком парадный. Он смотрел на неё внимательными серыми глазами, и в его взгляде было что-то тёплое, почти отеческое.

И в этот момент, когда их взгляды встретились, Мария почувствовала, как в груди шевельнулось давно забытое чувство.

Сердце ухнуло куда-то вниз, в пятки, и забилося так, будто она только что пробежала десять вёрст. По телу разлилось приятное томление, от которого перехватило дыхание. Она смотрела на него и не могла отвести взгляд.

«Что это? — пронеслось в голове. — Я же никогда...»

Она действительно никогда. За сорок три года своей прошлой жизни она не испытывала ничего подобного. Бабушка запрещала ей даже думать о мужчинах. Она привыкла считать себя старой девой, серой мышью, женщиной, для которой любовь — это то, что бывает в книгах, а не в жизни. Но сейчас, глядя на этого мужчину, она вдруг поняла: нет. Она не была равнодушной. Она просто ждала.

И, кажется, дождалась.

Мария опустила глаза, чувствуя, как краска заливает щёки, и мысленно одёрнула себя: «Ты здесь всего день, Мария. Ты в чужом теле, в чужом времени. И ты уже смотришь на купца так, будто он твоя судьба. Возьми себя в руки».

Но сердце не слушалось.

Рядом с ним сидела девушка лет пятнадцати, с густыми русыми волосами, уложенными в сложную причёску. Она была хороша собой, но в её позе чувствовалась какая-то избалованность, даже высокомерие. Она смотрела на Марию с лёгким любопытством и таким же пренебрежением.

— Так это и есть Мария? — спросил купец, и голос его был низким, ровным, с едва заметным тамбовским выговором. — Дочь отца Дмитрия? Друга моего?

— Точно так, Михаил Иванович, — ответила Мария и, поколебавшись, добавила: — Батюшка говаривал о вас. Сказывал, вы вместе росли.

Купец усмехнулся — тепло, по-отечески.

— Да, вместе. В одном селе, в одном приходе. Я уж и не чаял, что когда-нибудь узрю его дочь. — Он помолчал, разглядывая её. — Что ж, здравствуй, Мария. Добро пожаловать в наш дом. Устала с дороги?

— Немного, — призналась она. — Но уже оправилась. Благодарствую, что приютили.

Купец кивнул и указал на девушку, сидевшую рядом.

— А это моя дочь, Елизавета. Лиза. Она у меня единственная, баловница. Будешь жить у нас — присматривай за ней, помогай, а заодно и себя покажешь. Ты ведь грамотная, как я слышал?

— Да, Михаил Иванович. Читаю, пишу, петь могу. — Мария помедлила и добавила: — И по-французски немного разумею. По книгам.

Наступила тишина.

Купец поднял брови. Лиза та и вовсе открыла рот от удивления.

— По-французски? — переспросил Михаил Иванович. — Это где же ты, в Тамбовской губернии, французскому-то выучилась?

— Отец привозил книги, — ответила Мария. Он знал, что я хочу учиться. Говорил: «Маша, знание — свет». И я училась. Сама. По букварю, по учебникам.

Купец смотрел на неё с неподдельным интересом, но в глазах его мелькнуло сомнение. Он был человеком деловым, привыкшим проверять слова делами.

— Что ж, — сказал он негромко, и в голосе его послышались едва уловимые нотки испытания. — *Comment vous portez-vous, mademoiselle Marie? (Как поживаете, мадемуазель Мария?)*

Мария подняла на него глаза. Где-то глубоко заныло. Страх? Волнение? Но голос Маши, тот самый, который учил французский по ночам при свечах, вдруг зазвучал в ней отчётливо и ясно. Она выпрямилась и ответила без запинки, с хорошим, почти парижским произношением:

— *Je me porte bien, monsieur, grâce à Dieu. Et j'espère que vous aussi vous êtes en bonne santé. (Я чувствую себя хорошо, сударь, слава Богу. И надеюсь, что вы тоже здоровы.)*

Михаил Иванович удивлённо приподнял бровь. Он явно не ожидал, что деревенская девушка не просто знает несколько фраз, а способна поддержать беседу.

— *Vous parlez français comme si vous aviez étudié à Paris, (Вы говорите по-французски так, будто учились в Париже)* — сказал он, и в голосе его послышалось искреннее восхищение.

— *Hélas, monsieur, je n'ai étudié que dans les livres, (Увы, сударь, я училась только по книгам)* — ответила Мария с лёгкой улыбкой. — *Mais les livres sont de bons maîtres quand on les aime. (Но книги — хорошие учителя, если их любить.)*

Купец рассмеялся — громко, искренне, с облегчением и гордостью.

— Ну, Дмитрий, ну, друг мой, — сказал он по-русски, качая головой. — Вот так дочку воспитал. Я-то думал, ты просто грамотная, а ты, поди, и в столице не затеряешься.

Он повернулся к дочери, которая сидела с пунцовыми щеками, глядя в пол.

— Лизанька, — сказал он строже. — Слышишь? Ты вот уже третий год с учителем занимаешься, а сказать по-французски двух слов связать не можешь. А Мария — сама, по книгам, да лучше тебя говорит.

Лиза вспыхнула. Ей было одновременно стыдно и обидно. Эта деревенская девчонка, эта гостья, и вдруг говорит по-французски свободнее, чем она, дочь богатого купца?

— Папенька, — протянула она капризно, — но у неё ведь акцент... И вообще, она говорит не так, как мы.

— У неё акцент? — переспросил купец. — У тебя-то акцент, а у неё — произношение. Не завидуй, Лизанька, а учись.

Он снова повернулся к Марии — тепло, одобрительно.

— Ты, Мария, умница. Я гляжу, Дмитрий недаром тебя ко мне отправил. Будешь здесь жить — продолжай ученье. Книги у меня есть — пользуйся. А заодно и Лизе подмогу окажешь. Глядишь, и пример ей покажешь.

Мария поклонилась, пряча улыбку. Она чувствовала, как внутри неё разливается тепло — не гордость, а благодарность. Благодарность Маше, которая выучила французский в тамбовской глуши. И благодарность Михаилу Ивановичу, который увидел в ней не просто гостью.

— Благодарю вас, Михаил Иванович, — сказала она тихо.

Она поклонилась и вышла из гостиной. И только когда дверь за ней закрылась, она позволила себе улыбнуться.

— Он понял, — подумала она. — Он увидел не гостью. Он увидел ученицу. И это было важнее любых её слов.

Она почти бегом поднялась в свою комнату, открыла дверь и остановилась.

Котёнок сидел на подушке, глядя на неё осмысленными зелёными глазами. Он не спал. Он ждал её.

— Аскольд, — прошептала она.

Она подошла к койке, села и взяла его на руки. Он замурлыкал тем самым утробным урчанием, которое она знала так хорошо. И в этот момент, в тишине маленькой комнаты, она впервые за весь день почувствовала: всё будет хорошо.

Она не знала, сколько она пробудет здесь. Может быть, год. Может быть, день. Может быть, жизнь. Но она знала одно: она не одна. С ней её кот. И где-то там, в Тамбовской губернии, у неё есть семья. Отец Дмитрий, который верит в неё. Мать Ксения, которая выкормила семнадцать детей. И шестнадцать братьев и сестёр, которых она ещё не знает, но которые уже есть у неё. И купец Михаил Иванович, друг её отца, который принял её и предложил ей книги.

Мария закрыла глаза и тихо, почти беззвучно прошептала:

— Господи, ну спасибо. За то, что я здесь. За то, что я — Маша. И за то, что я могу учиться.

Она помолчала, потом открыла глаза и усмехнулась собственным мыслям.

«Интересно, — подумала она, — каким же таким ветром меня сюда занесло? Я, конечно, читала про переселение душ. Про карму. Про то, что души выбирают себе новые тела. Но я думала, это всё сказки для тех, кто боится смерти. А теперь я сижу в чужом теле, в чужом времени, и чувствую себя так, будто кто-то перелистал мою книгу жизни на несколько глав вперёд и сказал: «А теперь читай заново, только внимательнее».

Она посмотрела на свои руки — молодые, гладкие, без морщин и чернильной пыли.

«И зачем я тебе понадобилась, Господи? Сорок три года я была обычной женщиной, сидела в архиве, не требовала ничего. Ты решил, что я заслужила второй шанс? Или это ошибка? Или просто какой-то высший замысел, который я пойму лет через двадцать?»

Она вздохнула и погладила котёнка, который спал у неё на коленях.

«Ладно. Будем разбираться. Ты меня сюда закинул — значит, я здесь нужна. Или просто хотел посмотреть, как я буду выкручиваться. Что ж, посмотри. Я выкручусь. Я всегда выкручивалась. Просто раньше я выкручивалась из очереди в магазине, а теперь из XVIII века. Сложность повыше, но принцип тот же».

Она улыбнулась своим мыслям и почувствовала, как внутри разливается что-то новое. Не надежда даже, а любопытство. Интерес к тому, что будет дальше.

«И, Господи, — добавила она мысленно, — если уж я здесь, сделай так, чтобы унитаз изобрели пораньше. Я, конечно, привыкну, но лучше бы пораньше».

Котёнок ткнулся носом ей в шею и заснул.

А она сидела на койке, гладила его серую шерсть и смотрела в окно, где уже зажигались огни Петербурга 1780 года. И думала о том, что впереди у неё целая жизнь. Жизнь, которую она ещё не прожила. Жизнь, которую она уже любила.

В кабинете Михаил Иванович откинулся на спинку стула и долго смотрел на закрытую дверь.

«Странная она, — подумал он. — Я видывал дочь Дмитрия, когда она была ещё махонькой. Пугливая такая, всё за материну юбку пряталась. А эта...»

Он перебрал в уме все дела, все счета, все завтрашние встречи — но мысли упорно возвращались к ней.

«Что ж ты за человек, Мария?» — подумал он. Она выбивалась из ряда всех знакомых ему девиц — ни одной из них он не встречал такой непосредственности. Она не кокетничала, не пыталась понравиться, не опускала глаз, когда он смотрел на неё. Держалась дружелюбно, но... на равных.

«Точно, на равных», — нашёл он верное слово. И к такому поведению со стороны женщины он не привык. Она была пряма, смела, иногда даже резка. Ни тени страха, ни робости. Словно она не просто гостья из тамбовской глуши, а женщина, которая повидала мир и знает себе цену.

И ещё одно: в её поведении был диссонанс. Она выглядела на восемнадцать, но держалась так, будто ей сорок. Словно её душа была старше тела. Словно какой-то древний рок свёл их — или, может быть, боги, которых он не знал, но чувствовал кожей, когда смотрел на неё. Боги времени, боги судьбы, боги любви — все они, казалось, играли с ним в свои игры, когда она вошла в эту гостиную. Михаил покачал головой, не в силах найти объяснение. Но это странное сочетание — юная внешность и мудрость, которую он чувствовал кожей, — цепляло его всё сильнее.

И голос, — он провёл рукой по лицу. — Господи, какой голос...

«Что-то в ней не так, — подумал он. — Не та она, кем кажется. Или не совсем та».

Он открыл глаза и посмотрел на дверь. В груди у него шевельнулось что-то тёплое, незнакомое. Что-то, чему он не мог дать имени.

«Что ж ты за человек, Мария? И почему меня к тебе тянет?»

Он вздохнул, взял перо и снова склонился над бумагами. Но мысли его были далеко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРУЖЕВО, ФРАНЦУЗСКИЙ И ПЕРВЫЙ БАЛ

Глава 5. О том, как начинается дружба, а кружево сближает лучше ссор

Она открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где находится. Потолок был низким, деревянным, залитым серым светом из окна, выходящего во двор. Рядом на подушке спал серый котёнок, свернувшись калачиком, и его тёплое тельце прижималось к её боку.

Вчерашний день не приснился, поняла она.

Она села, потянулась и снова удивилась тому, как легко, без привычной ломоты в суставах, подчиняется ей это молодое тело. Котёнок открыл один глаз, зевнул и снова зажмурился.

Мария сидела на кровати, глядя на свои руки. Молодые, гладкие, без въевшейся чернильной пыли. Она должна была радоваться, но вместо этого вдруг подумала: «Вот это я влипла. Из XXI века в XVIII. Из архива в купеческий дом. Из очков в идеальное зрение, которое у меня не было с детства. И к тому же я теперь не Марина, а Мария, и должна помнить, что меня зовут Попова, а не Самуйлович».

Она усмехнулась собственным мыслям.

«Господи, ну и вляпалась. Сорок три года копила привычки, а теперь всё заново. И даже очков нет, чтобы спрятаться за ними. Придётся смотреть на мир открытыми глазами. И, судя по всему, мне это понадобится».

Она вздохнула и повернулась к Аскольду, который сидел на подушке и смотрел на неё с выражением, которое трудно было назвать иначе, чем «ну, ты сама напросилась».

— Не смотри на меня так, — сказала она ему. — Я знаю, что ты меня предупреждал. Но ты же мог бы мяукнуть погромче.

Она умылась из кувшина, надела серое платье, заплела косу. Потом на мгновение замерла, вспомнив, что в этом мире нет привычной ванной комнаты и нормального унитаза. Она оглядела свою каморку — никого.

— Лежи, — прошептала она. — Я скоро вернусь.

Котёнок ехидно мяукнул ей вслед. Он явно знал, куда она идёт, и удивлялся, почему она каждый раз делает такое лицо, будто идёт на казнь.

Для маленьких и больших делишек нужно было выйти во двор, где за сараем стояла небольшая деревянная будка. Внутри — доска с вырезанной дырой и ведро под ней. Мария зажмурилась, вздохнула и решила, что к этому придётся привыкать.

— Господи, — прошептала она, — когда я жаловалась на холодную воду в ванной, я и представить себе не могла, что будет такое...

Она закрыла глаза, сделала глубокий вдох и сказала себе: «Ты взрослая женщина. Ты пережила стеллаж. Ты переживёшь и это. Просто... не дыши носом. И не думай о том, что юбка сейчас коснётся того, чего не должна касаться. Это всего лишь ткань. Ткань, которую потом будут стирать. Вручную. Без стиральной машины».

Она попыталась присесть, и пышные юбки тут же сделали своё дело — они распушились, заняли всё пространство и категорически отказывались подчиняться. Мария почувствовала себя неуклюжим воздушным шаром, который пытается уместиться в коробку. Она схватилась за доску, чтобы не упасть, и в этот момент поняла, что в XVIII веке даже уединение — это испытание на прочность.

«Эх, — подумала она, выходя из будки и одёргивая платье, — в моём времени я бы просто нажала на кнопку. А здесь... здесь я изучаю архитектуру сарая и заодно проверяю, насколько я гибкая. Результат — не очень».

Она вернулась в дом, чувствуя себя одновременно униженной и победившей. «Это была битва, — сказала она себе. — И я её выиграла. Всего лишь слегка помятая, но живая».

В доме уже кипела жизнь: где-то хлопала дверь, слышались шаги, голоса, звон посуды. Мария спустилась на кухню, где Ольга Петровна уже хлопотала у печи. Увидев её, повариха с любопытством окинула гостью взглядом.

— А, Мария! — воскликнула она. — Проснулась? Ты чего такая красная?

— Я... наслаждаюсь столичным воздухом, — ответила Мария и мысленно прикусила язык. «Столичным»? Она же из деревни. Для неё столичный воздух должен быть в новинку, а не привычным делом.

Ольга Петровна хмыкнула, но ничего не сказала. Она прожила в этом доме тридцать лет и знала, что пахнет за сараем совсем не столичным. Однако гостья была молоденькая, видно, непривычная к городской жизни — нечего её смущать. Вместо этого она поставила перед Марией миску каши с топлёным молоком и ломоть свежего хлеба.

— Садись, завтракай. Барышня ещё поживает, так что у тебя есть время.

Мария опустилась на лавку, чувствуя, как щёки всё ещё горят.

— Спасибо, Ольга Петровна.

— Ну что ты, родимая, — повариха ласково потрепала её по плечу, но в глазах её плясала лукавая искорка. — Сегодня первый день с барышней. Ты не робей. Она, конечно, с характером, но девка добрая. Только виду не подаёт.

Мария кивнула и принялась за еду. Каша была густой, сытной, пахла маслом и теплом. Рядом с ней на табуретке лежала «Санкт-Петербургские ведомости» — она вчера так и не дочитала её до конца. Мария развернула газету и углубилась в чтение, пока Ольга Петровна гремела посудой.

Она уже дочитывала объявление о продаже дома на Васильевском острове, когда на кухню влетела горничная Дуняша — весёлая, румяная, с растрёпанными волосами.

— Мария! Ольга Петровна! Барышня проснулась и требует, чтобы Мария явилась к ней! — выпалила она и тут же добавила шёпотом: — Она сегодня не в духе, ты уж держись.

Мария вздохнула, отложила газету и поднялась.

— Где её комната?

— На втором этаже, та дверь, что с белыми наличниками.

Мария поднялась по лестнице, постучала в дверь и услышала капризный голос:

— Войдите!

Она открыла дверь. Комната Лизы была просторной, светлой, с большим окном, выходящим на Финский залив. Вода плескалась у самого берега — широкая, серая, с белыми барашками волн. На горизонте, там, где залив сливался с небом, угадывались очертания дальних островов. Комната пахла морем, солью и водорослями — запах, который Мария, привыкшая к пыли архивов, почувствовала сразу и остро.

— А, Мария, — протянула Лиза. — Явилась. Ну что ж, начинай своё служение. Помоги мне одеться.

Мария подошла, взяла платье, которое протянула горничная, и помогла Лизе надеть его. Всё это время Лиза не сводила с неё любопытных глаз.

— Скажи, Мария, — спросила она, когда туалет был завершён, — а ты в самом деле из Тамбовской губернии? Или, может, ты из другого места? Ты говоришь как-то... странно. Не по-деревенски.

Мария насторожилась, но спокойно ответила:

— Я из села Никольское, Елизавета Михайловна. Мой отец — настоятель тамошней церкви.

— Ах, да-да, папенька говорил, — Лиза поморщилась. — Он с твоим отцом дружит. Но ты мне расскажи, что у вас там в деревне делают? Я, знаешь, никогда не была в деревне. Там, наверное, ужасно скучно?

— Скучно не бывает, когда есть работа, — ответила Мария. — Я помогала матери по хозяйству, нянчила младших, пряла, вышивала. А по вечерам, когда все засыпали, я читала.

— Читала! — Лиза фыркнула. — И что же ты читала? Священное писание?

— И его тоже. Но ещё книги. Мой отец привозил их из города. Исторические, географические, французские.

Лиза прищурилась, но ничего не сказала. Она явно хотела проверить Марию, но не знала, с какой стороны подступиться.

— Ну что ж, — сказала она, поправляя кружево на рукаве. — Пойдём завтракать. А после завтрака покажешь, чему ты научилась в своей деревне.

Они спустились в столовую. Купец уже уехал по делам, так что за столом сидели только они вдвоём. Лиза ела с достоинством, то и дело поглядывая на спутницу. Мария пила ароматный травяной чай и с любопытством разглядывала тарелку Лизы. Рядом с кашей лежало нечто серое, с зелёными вкраплениями, издающее запах, от которого у неё слегка защипало в носу.

— Что это? — спросила Мария осторожно.

— Салат! — радостно ответила Лиза. — Солёная зелень. Папенька специально из города привёз.

Мария взяла вилку, поковыряла странную массу и решила, что в XVIII веке, видимо, слово «салат» означало «выживание». Она отправила кусочек в рот и почувствовала, как по пищеводу разливается огонь.

— Вкусно? — с надеждой спросила Лиза.

— Очень... интересно, — ответила Мария, проглатывая и чувствуя, как слёзы выступают на глазах. — Это как съесть немного истории. Прямо с перцем. И с уксусом. И, кажется, с солью всего мира.

Лиза захихикала так заразительно, что Мария почувствовала, как напряжение отпускает. Она вдруг поняла, что эта девушка не просто капризная барышня, а живой, тёплый человек, с которым можно смеяться.

— Ты говорила, что умеешь петь, — сказала Лиза, когда они покончили с завтраком. — Это правда?

— Правда, — ответила Мария.

— А что ты поёшь? Церковные песни?

— Их тоже. Но я знаю и другие.

— Ну, спой что-нибудь.

Мария замялась. Она чувствовала себя неловко — петь посреди столовой, когда за стеной шумят слуги, а на улице гремят телеги. Но Лиза смотрела на неё с таким детским любопытством, что Мария не смогла отказать.

Она закрыла глаза, выпрямилась и запела — тихо, почти шёпотом, но с такой чистотой, что звук словно заполнил всю комнату:

Ave Maria, gratia plena, Dominus tecum...

Голос её лился мягко, проникновенно, и в нём была та особенная глубина, которая заставляет слушателя замирать. Она пела на латыни — той самой, которую когда-то выучила Маша по книгам, а теперь и она, Марина, помнила каждое слово. Мелодия была простой, почти народной, но оттого ещё более трогательной.

Лиза замерла с ложкой в руке и слушала, не дыша. Когда Мария закончила, в комнате повисла тишина. Только где-то за окном кричали чайки.

— Ты поёшь на латыни? — прошептала Лиза. — Это же католическое!?

— Да, — тихо ответила Мария. — Я выучила её из книг. Мне показалось, что она красивая.

— Она прекрасна, — Лиза выдохнула. — Ты поёшь как ангел. Я не знала, что в деревне так учат.

— Отец говорил, что голос — это дар Божий. Им нельзя пренебрегать.

Лиза задумалась, глядя на неё как-то иначе — уже без высокомерия.

— После завтрака я покажу тебе клавесин, — сказала она. — Мне его купили, но я почти не умею играть. Может, ты покажешь что-то?

— С радостью, — улыбнулась Мария.

Они прошли в гостиную, где стоял старый клавесин. Лиза села рядом на стуле и следила за пальцами Марии. Пальцы были тонкими, музыкальными, и они бегали по клавишам с невероятной лёгкостью. Мария играла что-то простое — народные мелодии, которые помнила из своей жизни.

Лиза слушала, подперев подбородок рукой.

— У тебя всё так легко получается, — сказала она с лёгкой завистью. — А у меня пальцы как деревянные.

— Всё приходит с практикой, — сказала Мария. — Я с детства играла на фортепьяно. Ну, на клавесине, — поправилась она. — У нас в доме стоял старый инструмент.

— В деревне? — удивилась Лиза. — Где же вы его взяли?

— Отец привёз из города, — уклончиво ответила Мария. — Он считал, что дети должны учиться музыке.

Лиза задумалась, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Странный у тебя отец. Все думают, что священники только молятся, а он тебя музыке учил и книги привозил. Может, ты и вправду не простая деревенская девка.

Мария улыбнулась и ничего не ответила. Она чувствовала, что лёд между ними начинает таять.

Перед обедом Лиза с ленцой оторвалась от окна, за которым плескался залив, и повернулась к Марии.

— Папенька велел, чтобы я брала у тебя уроки французского, — сказала она и сморщила носик. — Сказал, что ты лучше любого учителя, и что я должна учиться прилежнее. — Она вздохнула с театральным страданием. — Ну что ж, пошли в библиотеку. Будем брать уроки.

Только предупреждаю: я уже три года учу этот дурацкий язык и до сих пор не понимаю, зачем он нужен.

Они прошли в библиотеку. Мария подошла к французским книгам, провела пальцами по корешкам.

— Три года — это хорошая основа, — сказала она. — Вы, наверное, знаете алфавит, умеете читать?

— Ну да, — неохотно призналась Лиза. — Я могу прочесть, но не понимаю, что читаю. И говорить не умею. Только *Bonjour* и *Comment ça va?*

— Это уже хорошо, — улыбнулась Мария. — Значит, будем учиться говорить. Давайте попробуем простое: возьмём какую-нибудь историю, я прочитаю, а вы повторите за мной.

Лиза скривилась, но любопытство победило.

— Ладно, только недолго.

Мария открыла книгу — это был сборник басен Лафонтена. Она выбрала короткую, простую и начала читать вслух:

— *Le corbeau et le renard...*

Голос её лился легко, музыкально. Лиза слушала с открытым ртом.

— Ничего не понимаю, — призналась она. — Но звучит красиво.

— Давайте я прочитаю медленнее, — сказала Мария. — А вы повторяйте за мной. *Le cor-beau...*

— Ле кор-бо, — неуверенно повторила Лиза.

— Почти. Но мягче: *cor-beau*. Попробуйте ещё раз.

Лиза сморщилась, но повторила:

— Ле кор-бо.

— Отлично! — улыбнулась Мария. — У вас хорошее произношение. Только увереннее.

Они просидели в библиотеке больше часа. Сначала Лиза капризничала, говорила, что это скучно и бессмысленно, но постепенно увлеклась. Она пыталась повторять фразы, смеялась над своим акцентом, но не сдавалась. Мария терпеливо поправляла её, подбадривала.

К концу урока Лиза уже могла прочитать без запинки несколько строчек, хотя и с сильным акцентом.

— Ну как? — спросила Мария. — Не так уж и страшно?

Лиза задумалась, потом улыбнулась — искренне, без капризной гримасы.

— Если честно, то не страшно. Даже интересно. Только ты говоришь как-то по-другому, не как наш учитель. Он всё время кричит и стучит линейкой.

— Я не кричу, — улыбнулась Мария. — Кричать не обязательно.

— Ты правда очень странная, — сказала Лиза, глядя на неё с любопытством. — Ты совсем не похожа на других. Как будто... принцесса из сказки.

Мария улыбнулась:

— Или как архивариус из будущего.

Лиза нахмурилась:

— Что?

— Ничего, — быстро сказала Мария. — Просто шучу.

К обеду Михаил Иванович вернулся из города. Он сел за стол, устало потёр лицо и окинул взглядом дочь и Марию.

— Ну как, ладили? — спросил он.

— Да, папенька, — сказала Лиза весело. — Мария очень хорошо играет на клавишине и хорошо объясняет французский. Мы уже начали заниматься.

— Правда? — он поднял брови и посмотрел на Марию. — Что ж, хорошо.

Он повернулся к Марии и заговорил по-французски:

— Alors, mademoiselle Marie, vous avez trouvé une nouvelle amie? (*Итак, мадемуазель Мария, вы нашли новую подругу?*)

Мария ответила без запинки, с той же лёгкостью, что и вчера:

— Oui, monsieur. Votre fille est très aimable et curieuse. (*Да, сударь. Ваша дочь очень любезна и любопытна*)

Купец усмехнулся и перешёл на русский:

— Ну, Лизанька, ей-богу, ты должна у неё поучиться. Я тебя уже три года учу, а ты до сих пор сказать ничего не можешь.

Лиза надулась, но в глазах её не было обиды.

— Папенька, я буду стараться. У меня теперь есть хороший учитель.

Купец одобрительно кивнул и подвинул Марии тарелку с жареным мясом.

— Ешь, Мария. Набирайся сил. Ты нам ещё пригодишься.

После обеда девушки ушли в комнату Лизы. Лиза села у окна, а Мария принесла из своей комнаты небольшую корзинку с деревянными коклюшками и подушкой для кружева.

— Это что? — спросила Лиза, заинтересованно наклоняясь.

— Коклюшки, — ответила Мария. — Я хочу показать вам, как плести кружево. Это, может быть, и не столичное искусство, но у нас в деревне все девушки умели.

Она села на стул, разложила инструменты и начала показывать. Её пальцы ловко перебирали нити, коклюшки стучали друг о друга, и кружево рождалось на глазах.

Лиза смотрела как заворожённая.

— Это так сложно! Как ты всё это делаешь?

— Привычка, — улыбнулась Мария. — Хотите попробовать?

Лиза кивнула. Она взяла коклюшки и начала пытаться повторять движения. Сначала выходило криво и неловко, потом чуть лучше. Мария поправляла её, показывала, как правильно держать нити. Лиза смеялась над своими ошибками, но не сдавалась.

— У тебя талант, — сказала Мария. — У тебя очень чуткие пальцы.

— Ты правда так думаешь? — Лиза посмотрела на неё с надеждой.

— Правда.

Лиза улыбнулась — впервые за весь день искренне, без капризной гримасы.

— Знаешь, Мария, — сказала она, — я рада, что папенька тебя привёз. У меня никогда не было подруги. Все эти девицы из хороших семей — они все такие скучные и чопорные. А ты... ты настоящая.

Мария почувствовала, как на душе стало легко. Она тоже никогда не имела подруг. В её прошлой жизни были только коллеги, книги, архив и Аскольд. Это было первое прикосновение к чему-то похожему на дружбу.

— Я тоже рада, что я здесь, — тихо сказала она.

Вечером, когда они ужинали втроем с купцом, Мария сидела тихо, почти незаметно, но то и дело поглядывала на свой карман, где что-то шевелилось. Лиза заметила это, прищурилась и наклонилась ближе.

— Мария, что это у тебя в кармане? — спросила она подозрительно. — Ты что-то прячешь?

Мария покраснела до корней волос. Она неловко прижала руку к карману, но в тот же миг оттуда высунулась серая мордочка с зелёными глазами и пискнула.

— Ой! — Лиза отшатнулась. — Котёнок?! Ты принесла его за стол?

Мария побледнела, потом снова покраснела, чувствуя, как жар заливает щёки.

— Простите, Михаил Иванович, — сказала она, глядя на купца испуганно. — Я нашла его вчера под крыльцом. Он был такой слабый, весь мокрый, он совсем не пищал, просто лежал и смотрел... У меня сердце сжалось, я могла его оставить. Я хотела его выкормить, а потом...

— она запнулась, — я прошу вашего позволения оставить его у себя. Он не будет мешать, я буду за ним ухаживать, он будет жить в моей комнате и ловить мышей. Только не выгоняйте его на улицу, он ещё слишком слабый, он не выживет.

Она говорила быстро, сбивчиво, как будто боялась, что ей не дадут договорить. На глазах у неё выступили слёзы, но она сдержала их и вытерла уголки глаз рукавом.

Лиза смотрела на неё с изумлением. Она видела, как Мария прижимает к себе котёнка, как гладит его, как говорит о нём так, будто это не просто бездомное животное, а родное существо. Ей показалось это странным — все её знакомые барышни не любили кошек, считали их грязными и не нужными. А эта деревенская девушка плачет из-за какого-то котёнка.

Купец поднял брови и посмотрел на Марию долгим, внимательным взглядом. Потом перевёл глаза на котёнка, который тихо мяукнул и спрятал мордочку в карман Марии.

— У него есть имя? — спросил он негромко.

Мария подняла на него глаза. В них была робкая надежда.

— Аскольд, — ответила она. — В честь варяжского князя. Я прочитала о нём в книге. Говорят, он был смелым и верным.

Купец усмехнулся:

— Ты хочешь сказать, что у этого серого комка есть княжеская душа?

— Может быть, — тихо сказала Мария. — Каждый заслуживает шанса, даже маленький.

Купец посмотрел на дочь, потом снова на Марию. Она держала котёнка так осторожно, так трепетно, как будто он был хрустальным. И в её глазах была такая искренняя мольба, что Михаил Иванович не выдержал.

— Пусть живёт, — сказал он коротко. — Будешь за ним следить. Но если он начнёт портить мебель — выгоню и его, и тебя.

— Спасибо! — выдохнула Мария и прижала котёнка к груди. — Спасибо вам, Михаил Иванович.

Лиза молчала. Она смотрела на Марию с новым, незнакомым чувством. Впервые в жизни она видела человека, который так отчаянно просил за животное. Впервые она видела, как кто-то держит кота как дитя. Это было странно. И в то же время трогательно.

— Он правда такой слабый? — спросила она, наклоняясь.

Мария осторожно показала котёнка. Аскольд дрожал, но смотрел на Лизу своими зелёными глазами с удивительным спокойствием, как будто знал, что его не обидят.

— Он почти не ел, — сказала Мария. — Я дала ему молока, но он выпил только капельку. Он очень маленький.

Лиза задумалась, потом нерешительно протянула руку и провела пальцем по серой шерстке.

— Он мягкий, — сказала она удивлённо. — И не кусается.

— Он хороший, — тихо сказала Мария. — Он просто хочет жить.

Они смотрели на котёнка втроём — купец с доброй улыбкой, Лиза с удивлением, а Мария с такой нежностью, как будто держала в руках не просто бездомного котёнка, а частичку своей души.

Она старалась не поднимать глаз на Михаила Ивановича. Потому что каждый раз, когда их взгляды встречались, у неё внутри всё переворачивалось. Его глаза — синие, как небо над заливом, — манили её, обещали что-то тёплое и тайное, о чём она боялась даже думать. В них было спокойствие, сила и что-то ещё — древнее, мужское, от чего у неё перехватывало дыхание.

«Боже, — думала она, — я же старая дева. Я никогда не смотрела на мужчин так. Я даже не знала, что могу так смотреть». И тем не менее — могла. Каждый раз, когда он поворачивался к ней, она чувствовала, как по телу пробегает дрожь, как сердце начинает колотиться

быстрее, как в голове проносятся самые нескромные фантазии, от которых она тут же краснела и отводила глаза.

«Спокойно, — приказывала она себе. — Ты здесь всего день. Ты в чужом теле. Ты не знаешь, что будет завтра. И ты не имеешь права думать о нём так».

Но её взгляд, предательски, то и дело возвращался к его лицу, и она чувствовала, как жар разливается по щекам, а внутри просыпается что-то, что она считала давно умершим.

Ночью, когда весь дом затих, Мария сидела у окна своей комнаты и смотрела на тополь во дворе. Аскольд лежал у неё на коленях и урчал, довольный вечерним вниманием.

Она чувствовала, как за день усталость накопилась, но это была приятная усталость. Лиза оказалась вовсе не злой — просто избалованной и одинокой. Она искала друга, а нашла её.

Мария закрыла глаза и тихо прошептала:

— Спасибо, Господи. Я, кажется, нашла здесь подругу.

Аскольд ткнулся носом ей в руку, и она улыбнулась.

Утром, когда они завтракали вдвоём — купец снова уехал, — Лиза была оживлённой и разговорчивой. Она рассказывала о своих мечтах, о том, как хотела бы увидеть Париж, куда, по слухам, часто ездят дворяне.

— Ты ведь, наверное, мечтаешь о чём-то похожем? — спросила Лиза.

Мария задумалась и неожиданно для себя сказала:

— Я мечтаю учиться. Поступить в Смольный институт. Мой отец говорил, что там учат не только девочек из дворянских семей, но и из разночинцев. И я бы хотела стать образованной.

Лиза удивилась:

— Смольный? Но ты ведь уже выросла.

— Ещё можно, — сказала Мария. — Принимают до восемнадцати. Мне как раз восемнадцать.

Лиза замолчала. В её глазах появилось что-то новое — не насмешка, а уважение.

— Ты хочешь учиться, — повторила она. — И ты уже знаешь французский, играешь на клавесине, вышиваешь, поёшь... А я ничего не умею...

Мария хотела возразить, но Лиза перебила:

— Нет, я правду говорю. Папенька балует меня, а я неблагодарная. Но теперь я буду учиться. Правда. Ты мне pomoжешь?

Мария улыбнулась:

— Конечно, помогу.

— Тогда обещай мне, — сказала Лиза, — что ты не уедешь обратно в деревню. Что ты останешься здесь. Со мной.

Мария промолчала. Она не могла обещать того, что сама не знала. Но глядя в глаза Лизы, полные надежды, она поняла, что не хочет её разочаровывать.

— Я постараюсь, — сказала она. — Я постараюсь остаться.

В тот момент, когда Лиза снова заговорила о музыке, Мария неожиданно почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Она пыталась сдержать их, но не смогла.

Лиза растерялась:

— Что с тобой? Что случилось?

Мария покачала головой, но слёзы текли ручьём.

— Я... я не знаю. Я просто вдруг поняла... как я одинока. В этом времени. В этом мире.

Лиза обняла её — неуклюже, но искренне.

— Ничего, — сказала она. — Теперь у тебя есть я. А у меня есть ты. Мы будем вместе.

Мария заплакала на её плече. И, сквозь слёзы, она вдруг решила — она расскажет всё. Всю правду.

— Лиза, — сказала она, отстраняясь и глядя в глаза новой подруге, — я должна тебе кое-что сказать. Ты не согласишься, но это правда. Я не та, за кого себя выдаю. Я не просто Мария Попова. Я из другого времени. Из будущего.

И она начала рассказывать...

Глава 6. О том, как одна сказка оказалась правдивее всех других

Лиза смотрела на Марию широко раскрытыми глазами. Она не смеялась, не крутила пальцем у виска — она просто сидела и слушала, раскрыв рот, как ребёнок, которому рассказывают самую невероятную историю на свете.

— Ты... ты правда из будущего? — переспросила она шёпотом.

— Правда, — твёрдо сказала Мария. — Я жила в Санкт-Петербурге. Только не в этом, а в том, который будет через двести сорок лет. У меня была квартира на набережной Лейтенанта Шмидта, я работала в архиве, у меня был кот... тот самый, Аскольд. А потом я упала и очнулась здесь, в этом теле.

Лиза нахмурилась, но в глазах у неё зажглось любопытство:

— А что там, в будущем? Что там есть такого, чего нет у нас?

Мария задумалась, потом улыбнулась:

— Там люди летают. Не на птицах, а в огромных металлических машинах. Они называются самолёты. Они могут подняться выше облаков и долететь в другой конец света за несколько часов.

— За несколько часов?! — Лиза округлила глаза. — А до Парижа?

— За пару часов. Меньше, чем ты едешь в гости к соседям.

Лиза прикусила губу и чуть подалась вперед:

— А ещё?

— Есть поезда. Огромные, длинные, они бегают по рельсам быстрее, чем скачет самая резвая лошадь. Правда, в России они появятся только через пятьдесят лет после нас. А в моём времени они уже давно есть.

— Через пятьдесят лет? — Лиза задумалась. — Значит, я это ещё увижу...

— Да, — мягко сказала Мария. — И твои дети или внуки увидят.

Лиза помолчала, потом спросила:

— А что ещё есть в твоём времени?

— Есть маленькие коробочки, через которые люди могут говорить друг с другом, даже если они в разных городах. Это называется телефон. Тоже изобретут только через сто лет.

— Как это? — Лиза нахмурилась. — Как можно говорить через коробочку?

— Ты говоришь в неё, а голос летит по проводам и попадает в другую такую же коробочку, к другому человеку. И он тебя слышит.

— Это как волшебство! — воскликнула Лиза.

— Да, — улыбнулась Мария. — Для тебя волшебство. А для меня — обычная жизнь. Хотя и это изобретение появится только через сто лет.

Лиза на мгновение задумалась, потом спросила с искренним удивлением:

— И ты согласишься променять всё это на нашу жизнь? На старый клавесин и ручное вязание?

Мария вздохнула:

— Я не соглашалась. Я просто... упала. И очнулась здесь. Я не знаю, как вернуться обратно. И не знаю, вернусь ли когда-нибудь.

Лиза посмотрела на неё с сочувствием. В её глазах не было насмешки — только искреннее участие.

— Тебе, наверное, очень страшно, — сказала она тихо. — Оказаться в чужом времени, в чужом теле, среди чужих людей.

Мария кивнула, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам.

— Да, — прошептала она. — Очень страшно.

Лиза обняла её, как уже делала раньше, но теперь в этом объятии было больше тепла и понимания.

— Знаешь, — сказала она, — я, наверное, должна была бы испугаться. Или подумать, что ты сошла с ума. Но я не боюсь. Мне кажется, что ты говоришь правду. Потому что ты не похожа на остальных. Ты совсем другая. Ты как будто... из другого мира. И теперь я знаю, что так оно и есть.

Мария улыбнулась сквозь слёзы:

— Ты не боишься меня?

— Нет, — Лиза покачала головой. — Ты не страшная. Ты просто... гостя. Как будто ты приехала издалека и рассказываешь мне сказки. Но ты говоришь правду, я чувствую. Ты не обманываешь.

Она помолчала, потом вдруг спросила:

— А наш дом? Что будет с нашим домом через двести лет?

Мария посмотрела на стены, на высокие окна, выходящие к заливу. Она знала этот дом. В её времени он по-прежнему крепко стоял на Кожевенной линии, в нём размещался архив, и она спускалась в тот самый подвал, где очнулась. Она помнила его коридоры, запах пыли и бумаги, старые лестницы.

— Этот дом будет стоять, — сказала она. — Я знаю его. Я работала в нём. В моём времени здесь был архив, я приходила сюда каждый день. Только тогда он выглядит иначе — в нём сделают ремонт, перестроят комнаты. И из окон уже не будет видно залива — напротив построят другие дома, портовые склады. Всё изменится.

— А залив? — Лиза посмотрела в окно, где плескалась серая вода. — Его совсем не будет видно?

— Не будет, — тихо сказала Мария. — Его закроют здания. Но он останется. Просто его нельзя будет увидеть из этого дома.

Лиза вздохнула и прижалась плечом к Марии.

— Жалко, — прошептала она. — Он такой красивый.

Мария обняла её:

— Он останется, Лиза. Просто в другом виде. В другом времени.

Они посидели молча, глядя на залив. Потом Лиза вдруг вскочила, захлопала в ладоши:

— А давай пойдём гулять! Покажешь мне свой Петербург. Тот, который ты знаешь. Расскажешь, что ты видишь, когда смотришь на нашу набережную, на наши дома. Это будет как приключение!

Мария удивилась:

— Ты хочешь пойти гулять со мной? После того, что я тебе рассказала?

— Хочу! — воскликнула Лиза. — Я никому не расскажу, честное слово. Это будет наш секрет. Наша тайна. А мы будем гулять по городу, и ты будешь показывать мне, где что будет стоять через двести лет. Это же так интересно!

Она подбежала к двери и обернулась:

— Ну что, идём?

Мария улыбнулась и встала:

— Идём.

Они вышли из дома и повернули налево, к набережной. Солнце стояло высоко, и над Финским заливом висела лёгкая дымка. Лиза взяла Марию под руку, и они зашагали вдоль воды, туда, где линия берега плавно переходила в Неву.

Воздух был сырым, пахло мокрым камнем, дымом из труб и квашеной капустой, доносившейся из подвалов. Где-то скрипели телеги, разносчики кричали: «Пирожки! Горячие пирожки!», а с колокольни Успенской церкви доносился мерный звон.

Мария остановилась и посмотрела на воду. Нева была серой, широкой, с белыми барашками волн.

Она смотрела на залив, и вдруг вода под её ногами, у самого берега, плеснулась сильнее, как будто узнала её. Волна набежала на камни с особой, почти нетерпеливой силой, и на мгновение Марии показалось, что река говорит с ней. Не словами, а движением, плеском, дыханием. Она наклонилась, почти неосознанно, и протянула руку к воде — но в тот же миг волна отступила, затихла, стала обычной.

«Мне показалось», — подумала она, отнимая руку.

Но что-то внутри неё не верило в это «показалось». Она смотрела на серую воду и вдруг поняла: она уже видела этот залив. Не на картине, не во сне. По-настоящему. Она закрыла глаза, пытаясь поймать ускользающее воспоминание, и на мгновение ей показалось, что она стоит здесь — в другом платье, с другими людьми. Что ветер дул так же, и вода плескалась так же, и солнце садилось за горизонт точно так же. Но когда? Она не могла вспомнить. Только ощущение — тёплое, почти забытое, как будто она возвращалась домой после долгой разлуки.

— Ты чего? — спросила Лиза, заметив её задумчивость.

Мария открыла глаза и улыбнулась:

— Ничего, — сказала она. — Просто... этот вид. Я знаю его. Но я никогда не видела его таким. Не в этом времени.

Лиза нахмурилась, но ничего не сказала. Она уже начинала привыкать к странным речам подруги.

— Он всегда был таким, — сказала она наконец. — Сколько я себя помню. Только вот домов тогда было меньше, а сейчас всё строят и строят.

Мария кивнула, но внутри неё осталось что-то тёплое. Какое-то странное чувство, что она здесь не случайно.

Она провела рукой по перилам моста — деревянным, шершавым, покрытым каплями росы. Холод пробрал до костей, но она не убрала руку. Она хотела почувствовать этот город. По-настоящему. Не через книги и карты, а вот так — пальцами, кожей, ноздрями.

— Смотри, — сказала Лиза, указывая на старые каменные дома, стоящие прямо у воды. — Здесь живут важные люди. Папенька говорил, что здесь, на набережной, селятся самые богатые купцы и даже графы.

Мария посмотрела на эти дома — невысокие, в два-три этажа, с черепичными крышами и высокими окнами. Она узнавала очертания набережной, но всё было другим. Вместо гранитных парапетов — деревянные причалы. Вместо величественных зданий — скромные, но добротные строения петровской эпохи. Город, который она знала, был здесь, но ещё не родился.

Они пошли дальше, и Мария чувствовала, как каждый шаг приближает её к чему-то важному. Что-то ждало её в этом городе. Что-то, что она должна была найти.

Она остановилась и посмотрела в сторону ещё не существующего здания. Её взгляд устремился в пустоту, но она видела его так же ясно, как и Неву перед собой.

— В моём времени здесь стоит другое здание, — сказала она тихо, почти благоговейно. — Огромное, красивое... С двенадцатью колоннами. В нём учатся студенты, они изучают горное дело, ищут полезные ископаемые. Это самый важный институт для тех, кто ищет богатства земли.

— Колонны? Как в Зимнем дворце? — переспросила Лиза, пытаясь представить.

— Почти, — улыбнулась Мария. — Только их больше. И они выше.

Лиза попыталась представить, но, видимо, не смогла. Она пожала плечами и сказала:

— Ты увидишь его, — мягко сказала Мария. — Его построят через тридцать лет после нас.

Мария опустила глаза вниз, туда, где в её времени на пьедесталах застыли две каменные группы.

— Здесь, по бокам от лестницы, стоят две огромные скульптуры, — начала она, и голос её зазвучал тише, словно она рассказывала сказку. — Они сделаны из камня, который добывают под Гатчиной. Он пористый, как застывшая пена, и впитывает воду, как губка. Но несмотря на это, они стоят уже больше двухсот лет, и люди до сих пор приходят смотреть на них.

— И что на них изображено? — спросила Лиза, заинтригованная.

— С одной стороны — «Похищение Прозерпины», — сказала Мария, указывая на пустое место. — Это древняя история. Прозерпина была дочерью богини плодородия, и её похитил Плутон, бог подземного царства. Он увозит её в свои владения, в мир мёртвых. Скульптор показал это так, что ты чувствуешь его стремительность и силу, но борьбы здесь почти нет. Это не схватка, это неизбежность. Плутон сильнее, он уносит её, и никто не может ему помешать.

Лиза вздрогнула:

— Страшная история.

— Может быть, — согласилась Мария. — Но это не просто страшилка. Это история о том, как зима приходит на землю. Когда Прозерпина уходит в подземное царство, её мать, богиня плодородия, печалится, и на земле наступают холода. А когда Прозерпина возвращается — приходит весна.

Лиза задумалась:

— Значит, это не просто похищение. Это о том, как всё умирает и возрождается?

— Именно, — улыбнулась Мария. — Ты очень умная.

Лиза покраснела от удовольствия и спросила:

— А что на другой стороне?

Мария перевела взгляд вправо:

— А там — «Геракл, удушающий Антея». Это другая история. Антей был сыном земли, и пока он касался её ногами, он был непобедим. Мать-земля давала ему силы. Но Геракл понял это и поднял его в воздух. И, оторванный от земли, Антей потерял свою силу.

Она на мгновение замолчала, представляя эту сцену:

— Геракл сжимает его в своих объятиях, мощных, как стальные тиски. Это не просто борьба — это борьба на пределе сил. У Антея запрокинута голова, на его лице страдание. Он знает, что проигрывает. И Геракл знает, что победит, но победа даётся ему нелегко. Эта скульптура не о силе, а о воле. О том, что даже самый сильный должен приложить все усилия, чтобы одержать победу.

Лиза смотрела на пустое место перед собой и видела его — этих каменных гигантов, застывших в вечной борьбе.

— Они такие разные, — сказала она. — Одна — о неизбежности, другая — о борьбе.

— Да, — кивнула Мария. — И именно поэтому они стоят вместе. В этом здании учат не просто добывать руду. Там учат понимать, что под землёй лежит не только золото и серебро. Там лежит целая история. И те, кто её изучает, должны быть сильными, как Геракл, и мудрыми, как те, кто понимает, что зима всегда сменяется весной.

Она посмотрела на Лизу:

— Ты хотела увидеть моё время. Теперь ты можешь это себе представить.

Лиза прижалась к ней плечом и прошептала:

— Это самое красивое, что я когда-либо слышала.

Они прошли мимо старых особняков. Один из них, двухэтажный, каменный, с высокими окнами, привлёк внимание Марии. Она остановилась.

— Этот дом, — сказала она тихо. — Я его знаю. Почти в моём времени в нём будет жить архитектор Брюллов. Он будет устраивать музыкальные вечера, на которых станут бывать Глинка и Гоголь.

— Гоголь? — переспросила Лиза. — Кто это?

— Писатель, — улыбнулась Мария. — Он будет жить через полвека после нас. Ты его не знаешь, но он станет знаменитым.

Лиза задумалась, потом снова взяла её под руку.

— Странно думать, что кто-то будет жить в этом доме после нас, — сказала она. — И что ты знаешь о нём.

— Всё течёт, всё меняется, — ответила Мария. — Но дома остаются. Как и люди, которые в них живут.

Они пошли дальше. Впереди показалась церковь Успения Пресвятой Богородицы — пятиглавая, с высокой колокольней. Мария перекрестилась, проходя мимо. В её времени церковь тоже стояла на этом месте, но она была другой — с огромным куполом и колокольней, перестроенной в конце XIX века.

— Здесь я буду брать монастырские пышки, — сказала она. — В моём времени у этого храма есть подворье, где пекут вкусные пышки. Я часто буду покупать их по дороге домой.

— Пышки? — удивилась Лиза. — Здесь, у храма?

— Да. Их будут продавать прямо у ограды. Тёплые, свежие, посыпанные сахаром.

Лиза улыбнулась:

— Ты так вкусно рассказываешь, что я уже хочу их попробовать.

— Я тоже, — вздохнула Мария. — Но их ещё нет. Они появятся только через сто лет. Но мы можем приготовить их дома.

Она замолчала, и вдруг её взгляд остановился на двухэтажном каменном особняке, стоявшем на набережной чуть поодаль. Он был старым, с облупившейся штукатуркой и тёмными от времени стенами, но в его очертаниях угадывался тот самый дом, который она знала. Только без мезонина, без колонн, без парадного крыльца — ещё скромный, почти неприметный среди соседних построек.

Мария замерла, словно увидела призрак.

— Что? — спросила Лиза, заметив её изменившееся лицо.

Мария не ответила. Она остановилась на том месте, где через двести лет будет стоять её дом. Сейчас здесь был старый облупившийся особняк, который пах сыростью и временем. Она медленно подошла к невысокому каменному забору, провела рукой по шершавому камню и остановилась, глядя на старый дом.

— Здесь будет мой дом, — сказала она Лизе.

— Прямо здесь? — переспросила Лиза, оглядывая пустырь.

— Да. С колоннами, с мезонином и большим окном, выходящим на Неву.

Лиза прищурилась, пытаясь представить.

— А что там будет внутри?

— Рояль, книги и кот, — ответила Мария с лёгкой улыбкой. — Всё как сейчас. Только без наводнений. — Она вздохнула и добавила про себя: «И без унитаза во дворе». — Там я буду жить. Там я буду старой, одинокой и не очень счастливой.

Она перевела взгляд на старый дом.

— А сейчас он совсем другой, — прошептала Мария. — но я узнаю его. Я стою на том месте, где буду жить. Где я уже жила.

Она перекрестилась и тихо, почти беззвучно прошептала:

— Господи, я здесь. Я дома. Просто... не в своё время.

Лиза ничего не сказала. Она подошла к ней, взяла за руку и молча стояла рядом. Ветер доносил запах реки и сырой земли. Где-то кричали чайки.

Лиза сжала её руку:

— Ты плачешь, Мария.

— Это слёзы счастья, — ответила она. — Я увидела свой дом.

Они постояли ещё немного, глядя на пустырь. Потом Мария вытерла слёзы и улыбнулась:

— Пойдём дальше. Я покажу тебе ещё много всего.

И они двинулись дальше, к тому месту, где Нева широко разливалась, и перед ними предстал наплавной Исаакиевский мост. Он был деревянным — длинная вереница барж, соединённых цепями, качалась на волнах. По ним двигались экипажи, всадники и пешеходы. Где-то в середине моста, у разводного пролёта, сустились лодочники, пропуская корабли.

— Это наш мост через Неву, — сказала Лиза. — Его наводят каждое лето. А зимой, когда река замерзает, мы ходим по льду.

Мария смотрела на эту картину и видела другую — каменную, с чугунными решётками, по которой мчались машины. Тот мост, что будет построен через семьдесят лет.

— В моём времени здесь стоит постоянный каменный мост, — сказала она. — Огромный, красивый. Он никогда не убирается на зиму. И он разводной.

— Разводной? — переспросила Лиза. — Как это?

Мария улыбнулась, глядя на деревянные баржи, качающиеся на волнах.

— Представь себе, что мост посередине разделяется на две части. Они поднимаются вверх, как крылья огромной птицы. Медленно, величественно. И под ними проплывают большие корабли. А потом крылья опускаются, и мост снова становится ровным, как дорога. И по нему снова едут экипажи, ходят люди. Всё это происходит за несколько минут.

Лиза широко раскрыла глаза:

— Как крылья? Настоящие крылья?

— Да. Я видела это много раз. Это очень красиво. Особенно ночью, когда мост подсвечивают огнями, и он отражается в воде. Кажется, что по Неве плывёт огненная птица.

— А такое можно построить? — с сомнением спросила Лиза. — Из камня?

— Можно, — сказала Мария. — В моём времени таких мостов через Неву построят несколько. И каждый из них будет разводным. Они будут соединять разные части города и подниматься по ночам, чтобы пропускать корабли.

Лиза задумалась, пытаясь представить.

— И как долго их будут строить?

— Очень долго, — честно ответила Мария. — Первый такой мост — тот, что будет стоять на этом месте — начнут строить только через семьдесят лет. И строить его будут почти тридцать лет. Но он того стоит.

Лиза посмотрела на деревянные баржи, на людей, переходящих через них, на повозки, гремящие по настилу.

— А у нас, — сказала она, — каждый год мост разбирают на зиму. А потом снова собирают. Это так утомительно.

— В моём времени мосты не разбирают, — сказала Мария. — Они стоят всегда. И ты можешь перейти через Неву в любую погоду, в любое время года. Просто нажмёшь на кнопку — и мост откроется для корабля. А потом закроется.

Лиза покачала головой:

— Это как волшебство.

— Нет, — улыбнулась Мария. — Это инженерия. Но для тебя, наверное, это одно и то же.

Они постояли на берегу, глядя на воду, на медленно плывущие баржи, на лодки, сплывающие между берегами. Где-то кричали чайки, и ветер доносил запах реки и соли. Лиза прижалась плечом к Марии.

— Знаешь, — сказала она, — мне нравится гулять с тобой. Ты видишь то, чего нет, и рассказываешь об этом так, будто это настоящее.

— Это и есть настоящее, — ответила Мария. — Просто оно ещё не наступило.

Они двинулись дальше вдоль Университетской набережной. Мария смотрела по сторонам и узнавала — и не узнавала. Те же очертания, та же широкая гладь воды, но всё остальное было другим.

— А это, — сказала Лиза, указывая на массивное здание с колоннами, которое тянулось вдоль набережной, — дворец Меншикова. Говорят, он был самым богатым человеком при Петре. Теперь там живут разные важные люди.

Мария остановилась. Она знала этот дворец — в её времени он стоял на том же месте, но выглядел иначе. Отреставрированный, с яркими стенами, он был частью Эрмитажа. Сейчас он казался старше, темнее, но всё такой же величественный.

— В моём времени это музей, — сказала она. — Там показывают, как жили люди при Петре. Можно зайти внутрь и увидеть старинную мебель, посуду, картины.

— Как в Кунсткамере? — спросила Лиза.

— Почти. Только там не диковинки, а история.

Они пошли дальше. Следующее здание привлекло внимание Марии — длинное, строгое, с аркадой на первом этаже. Она узнала его сразу.

— А это? — спросила она.

— Здание Двенадцати коллегий, — ответила Лиза. — Там заседают чиновники. Папенька говорил, что Пётр хотел сделать здесь главную площадь, но что-то не вышло.

Мария улыбнулась. В её времени в этом здании располагался университет. Она вспомнила, как проходила мимо него не раз, как студенты толпились у входа, как над зданием развевался флаг.

— В моём времени здесь учатся студенты, — сказала она. — Много студентов. Они изучают право, историю, языки. Это один из лучших университетов в стране.

— Студенты? — Лиза удивилась. — Как много!

— Очень много. Иногда кажется, что весь город состоит из студентов.

Они подошли к Кунсткамере. Башня возвышалась над набережной, и Мария узнала её очертания — они почти не изменились за двести лет. Только сейчас здание казалось более светлым, а вокруг него не было современных вывесок и указателей.

— Это Кунсткамера, — сказала Лиза. — Здесь хранятся диковинки, которые собирал сам Пётр. Я была здесь с папенькой. Там есть... странные вещи.

Мария кивнула. Она знала, что находится внутри, и в 1780 году, и в 2025. Старейший музей России, основанный Петром Первым в 1714 году. Но в её время он был больше, светлее, с новыми экспонатами и современными витринами.

— В моём времени это тоже музей, — сказала она. — Только в нём ещё больше вещей. И его посещают тысячи людей каждый год.

— Тысячи? — переспросила Лиза. — Это как все жители нашего города?

— Почти, — улыбнулась Мария.

Они обогнули Кунсткамеру и вышли к Стрелке Васильевского острова. Здесь было просторно и ветрено. Мария остановилась, глядя на пустое пространство перед собой. Она знала, что через двадцать лет здесь начнут строить новый ансамбль. А пока — только деревянные строения, пустыри и широкий вид на Неву.

— Здесь будет главная площадь, — сказала она. — Огромная, красивая. Посередине будет стоять здание Биржи — белое, с колоннами. По бокам — две высокие колонны с кораблями наверху. Их называют Ростральными.

— С кораблями? — удивилась Лиза.

— Да. Они будут стоять на страже, как два маяка. Отсюда будет открываться вид на весь город — на Петропавловскую крепость, на Зимний дворец, на Неву. — Мария помолчала. — В моём времени это одно из самых красивых мест в Петербурге. Люди приходят сюда, чтобы смотреть на закат. И фотографироваться.

— Фотографироваться? — переспросила Лиза.

— Это когда делают изображение человека, — объяснила Мария. — Как портрет, только быстро и без художника. В моём времени у каждого есть маленькая коробочка, которая может сделать такое изображение за мгновение.

Лиза покачала головой:

— Твой мир такой странный. И такой красивый.

Они повернулись к Неве. На другом берегу виднелись очертания города — ещё не такие величественные, как через двести лет, но уже узнаваемые. Мария показала рукой в сторону Зимнего дворца, который уже стоял на своём месте.

— Там, — сказала она, — через Неву, стоит Зимний дворец. Где живёт императрица.

— Я знаю, — кивнула Лиза. — Я видела его из кареты.

— В моём времени он тоже стоит. Только там уже никто не живёт. Это музей — один из самых больших в мире. Там хранятся картины, статуи, драгоценности. Миллионы вещей.

— Миллионы? — Лиза округлила глаза.

— Да. И люди приходят отовсюду, чтобы их увидеть.

Мария перевела взгляд на Петропавловскую крепость. Она была видна отчётливо — стены, облицованные гранитом, бастионы, шпиль собора. В 1780 году крепость уже была каменной, и её стены со стороны Невы недавно облицевали гранитом.

— А это, — сказала она, — Петропавловская крепость. Она стоит уже почти сто лет. В моём времени она тоже стоит. Только там уже нет тюрьмы и казарм. Это музей. И там хоронят императоров.

— Всех? — спросила Лиза.

— Всех, кто будет править после Екатерины. Их кладут в гробницы, и люди приходят и кладут цветы.

Лиза вздрогнула и прижалась к Марии.

— Ты говоришь о смерти, — прошептала она.

— О смерти, о жизни, о времени, — ответила Мария. — Всё течёт, всё меняется. Но мы здесь. И мы можем смотреть на это вместе.

Они стояли на Стрелке, глядя на Неву. Ветер доносил запах воды и соли, где-то кричали чайки. Солнце уже клонилось к закату, и вода блестела золотом.

Лиза зевнула и потянулась.

— Я устала, — призналась Лиза. — Мы так много прошли.

Мария тоже чувствовала усталость. Ноги гудели, а в голове шумело от впечатлений. Она кивнула:

— Нам пора возвращаться. Как мы доберёмся? Обратно идти далеко.

Лиза огляделась. На набережной, у Кунсткамеры, стояло несколько экипажей — извозчики ждали седоков. В Петербурге XVIII века извозчиков было много, и они подчинялись спе-

циальным правилам, введенным ещё при Екатерине. Они носили ярлыки с номерами, а летом — белые балахоны и чёрные шляпы с жёлтой повязкой.

— Вон там, — сказала Лиза, указывая на один из экипажей. — Можем нанять извозчика. Мария посмотрела в ту сторону.

— У тебя есть деньги? — спросила она.

Лиза вдруг улыбнулась и достала из кармана маленький кошелек.

— У меня есть, — сказала она. — Папенька всегда даёт мне на карманные расходы.

Лиза помахала рукой извозчику — пожилому мужику с окладистой бородой, который сидел на козлах своего экипажа. Тот кивнул, подъехал ближе и спросил:

— Куда прикажете, барышни?

— На Кожевенную линию, — сказала Лиза. — К дому купца Воронцова.

Извозчик окинул их взглядом, прикидывая расстояние, и назвал цену:

— Две копейки, барышня.

Лиза прищурилась — в ней проснулась купеческая дочь.

— Две копейки? Да мы от Кунсткамеры до Кожевенной за полкопейки доедем! И это с поворотом.

— С поворотом! — возмутился извозчик. — Да там колдобины такие, что колёса поразбиваешь!

— Ну, давай так: полторы, и по рукам, — Лиза сложила руки на груди.

Извозчик покачал головой, усмехнулся в бороду и махнул рукой:

— Эх, барышня, как же вы торгуетесь! Прямо как ваш батюшка. Добро, полторы копейки, садитесь.

Он помог им забраться в экипаж. Колёса застучали по деревянной мостовой, и город поплыл мимо них — старый, деревянный, ещё не знающий, каким он станет через двести лет.

Лиза прижалась к Марии плечом и закрыла глаза.

— Сегодня был самый лучший день, — прошептала она. — Спасибо тебе.

Мария обняла её и поцеловала в макушку.

— Спасибо тебе, Лиза. За то, что ты есть.

Они ехали молча. Солнце уже клонилось к закату, и косые лучи пробивались сквозь пыльные стёкла экипажа. Дома проплывали мимо — невысокие, деревянные, с черепичными крышами. Где-то на углу стояла женщина с корзинкой, у колодца толпились дети, лошадь тащила телегу, гружённую брёвнами.

Мария смотрела на этот город и чувствовала, как внутри разливается странное, почти благоговейное тепло. Она читала о Петербурге в книгах, изучала его карты, знала его историю наизусть. Но видеть его своими глазами — вот таким, только начинающимся, ещё деревянным, ещё не одетым в гранит и мрамор, — было чем-то совсем иным.

Где-то в глубине души мелькнула мысль: «Мне повезло. Мне действительно повезло. Я вижу город, которого ещё нет. Я вижу то, что через сто лет назовут «зарождением империи».

Она усмехнулась собственным мыслям. В её времени ходила легенда, что на месте Петербурга когда-то стоял древний город великанов. Будто Пётр Первый не строил столицу с нуля, а откопал её, как археолог откапывает руины, и великаны ушли, оставив после себя камни, которые люди приспособили под свои дома. Красивая сказка, но она знала: это неправда. Город строили. Кирпич за кирпичом. Лес за лесом. Она смотрела на деревянные дома, на свежие срубы, на рабочих, которые таскали брёвна, и видела, как рождается город. Не из руин, а из труда.

«Я увижу всё, — подумала она. — Смольный, Петропавловку, Зимний дворец. Я увижу, как они вырастают из земли. И тогда я точно буду знать: легенды — это просто легенды. А правда — она здесь, в этих домах, в этих улицах, в этом воздухе».

Она перевела взгляд на Лизу, которая дремала, прислонившись к стенке экипажа, и почувствовала, как внутри разливается что-то тёплое. Не только от города — от того, что она здесь, от того, что она часть этого мира. От того, что она может всё это увидеть.

Вдруг взгляд Марии остановился. За домами, в просвете между крышами, показалась верхушка старого тополя. Того самого, что рос во дворе купеческого дома. Она узнала его по очертаниям — раскидистый, мощный, с толстым стволом. Она смотрела на него и видела другой — тот, что рос в её дворе на набережной Лейтенанта Шмидта, у окна её спальни. Только этот был моложе, тоньше. Как и всё вокруг.

— Ты чего смотришь? — спросила Лиза, открывая один глаз.

— На тополь, — ответила Мария. — Он ещё молодой. Но он будет расти. И через двести лет он будет стоять там же.

Лиза повернула голову и посмотрела в ту же сторону.

— Ты видишь его в своём времени?

— Да, — тихо сказала Мария. — У меня в кабинете окно выходит во двор. И я вижу его каждый день. Он такой же — только старше..

Лиза ничего не сказала, только крепче прижалась к ней.

Экипаж остановился у знакомого дома. Лиза заплатила извозчику, и они вошли в парадную. В доме было тихо — купец ещё не вернулся, слуги хлопотали по хозяйству.

— Я устала, — зевнула Лиза. — Пойду прилягу до ужина.

— Иди, — улыбнулась Мария. — Отдыхай.

Она поднялась к себе в комнату, открыла дверь и остановилась.

Аскольд сидел на подушке, глядя на неё своими зелёными глазами. Он ждал её — как ждал всегда, в любом времени, в любом мире. Мария подошла к койке, взяла его на руки и прижала к груди. Котёнок замурлыкал тем самым урчанием, которое она помнила так хорошо.

— Я показала ей наш город, — прошептала она ему. — Она поняла.

Аскольд ткнулся носом ей в шею и закрыл глаза. Мария сидела на койке, гладила его серую шёрстку и смотрела в окно. Там, за мутным стеклом, качалась верхушка знакомого тополя — того самого, что она видела из экипажа. Он был молодой, но уже сильный, уже живой.

— Мы здесь, — сказала она коту. — Мы дома.

Глава 7. О том, как мечта бывает горькой, а отказ началом

Пятница, 18 августа, выдалась ясной и тёплой. Мария проснулась раньше обычного — ещё до петухов, ещё до того, как в доме начали хлопотать слуги. Она лежала на койке, глядя в потолок, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле.

Сегодня.

Она встала, умылась, надела тёмно-синее платье — то самое, которое взяла с собой из Тамбовской губернии, с белым воротничком. Волосы заплела в тугую косу и уложила вокруг головы так, как делала Маша перед важными событиями. Взяла с тумбочки небольшой кожаный мешочек, перевязанный бечёвкой. Внутри лежали документы: метрическая выписка о рождении и крещении, заверенная отцом Дмитрием, свидетельство о состоянии (дочь священника), прошение на имя императрицы о зачислении в Смольный институт — его она писала неделю, переписывая трижды, чтобы каждая буква была ровной и красивой. Она подала прошение ещё в Тамбове, через отца, и сейчас лишь пришла на собеседование. Ответа пришлось ждать три дня. И письменное обещание отца, что он готов оплатить обучение, если оно не будет покрываться казной.

А ещё вышитый кошель. Мария взяла его в руки и почувствовала, как пальцы ощутили живое тепло. Кошель был расшит мелким тамбовским узором — красные и синие нити складывались в затейливый орнамент, который её маменька Ксения вышивала всю зиму, приговаривая: «Это не простой кошель, Машенька. Это оберег. В нём наша любовь и наша надежда. Куда бы ты ни пошла, он будет с тобой». Внутри лежали все деньги, которые смогли собрать родители — несколько медных и серебряных монет, завернутых в тряпицу.

Мария прижала кошель к груди и закрыла глаза на мгновение. В душе отозвались не её чувства, а те, что достались ей от Маши. Тёплые, благодарные, полные любви.

«Спасибо, — прошептала она чуть слышно. — Я знаю, что я не совсем та. Но я постараюсь быть достойной того, что вы для неё сделали. Я сделаю так, чтобы её мечта сбылась. Моя мечта. Наша мечта».

Она открыла глаза и усмехнулась.

«Мама, — подумала она. — Странно называть так чужую женщину. Но если уж я здесь — пусть она будет моей мамой. Хотя бы здесь».

Аскольд сидел на подушке и смотрел на неё зелёными глазами. Он моргнул, будто говорил: «Всё будет хорошо».

Она поцеловала его в макушку и вышла из комнаты.

Внизу её уже ждал завтрак. Ольга Петровна, узнав, куда Мария собирается, всплеснула руками и наложила ей вдвое больше каши, чем обычно.

— Покушай, родимая, — сказала она, пододвигая тарелку. — День-то долгий будет. Голове надобно мыслить, а не о еде печалиться.

Мария улыбнулась, но есть почти не могла. В животе сжимался тугой узел.

В столовую вошёл Михаил Иванович. Он был одет по-деловому — тёмный кафтан, начищенные сапоги. Лицо его было спокойным, но в глазах Мария заметила лёгкое беспокойство.

— Собралась ли? — спросил он коротко.

— Да, Михаил Иванович.

— Ну, так и поедем.

В этот момент сверху раздался топот, и в столовую влетела Лиза. Она была уже одета в голубое платье, с причёской, которую явно делала сама, потому что она была слегка растрёпанной.

— И я с вами-с! — заявила она, переводя дыхание.

Михаил Иванович поднял бровь:

— Лиза, мы едем по делу, а не на гулянье.

— Ведомо мне, батюшка, — сказала Лиза, глядя на Марию. — Я желаю быть подле неё. В час, когда ей страшно, подруга должна быть рядышком.

Мария удивлённо посмотрела на неё. В глазах Лизы горела решимость — не капризная, а настоящая, почти взрослая. Она не пыталась пристроиться к поездке, не хотела подавать документы — она просто хотела поддержать подругу.

— Лиза, — сказала Мария, — ты ведь... ты не хочешь поступать?

— Нет, Мария, — ответила Лиза просто. — Мне и дома хорошо. У меня учителя есть, батюшка нанимает лучших. Но я хочу быть с тобой. Там, где тебе нужна опора.

Михаил Иванович посмотрел на дочь, и в его взгляде мелькнула гордость. Он редко видел её такой — не капризной, не своенравной, а тёплой и заботливой.

— Ну что ж, — сказал он, — поедем втроём. Только, Лиза, уговор: никаких капризов.

— Никаких, батюшка, — пообещала Лиза. — Я только рядом буду.

Экипаж мягко катил по деревянной мостовой. Лиза сидела напротив Марии и смотрела в окно с таким видом, будто ехала не в институт, а в сказочное путешествие. Михаил Иванович сидел рядом с Марией, поглядывая на неё искоса, но молчал.

Лиза наклонилась к Марии и прошептала почти беззвучно, чтобы отец не слышал:

— Ты видела Смольный в своём времени? Он правда такой же?

Мария тоже перешла на шёпот, прикрывая рот ладонью:

— Почти. Только там старые деревья и стены чуть потемнели. Но собор тот же. И голубые купола.

— А там страшно учиться? — шёпотом спросила Лиза.

— Не знаю, — честно ответила Мария. — Но я хочу попробовать.

Михаил Иванович повернул голову, и они замолчали, сделав вид, что смотрят в окно.

— О чём шепчетесь? — спросил он с лёгкой улыбкой.

— О том, как всё вокруг пригоже, — ответила Лиза громко и слишком наигранно.

Мария опустила глаза, пряча улыбку.

Экипаж остановился у высоких ворот. Мария подняла голову и увидела его — Смольный собор, белый, с голубыми куполами, и здание института рядом.

Она знала этот вид. Она видела его сотни раз — проходя мимо по набережной, выглядывая из окна автобуса, разглядывая открытки в сувенирных лавках. Смольный был частью её Петербурга, таким же привычным, как Невский или Исаакий. Но сейчас он стоял перед ней совсем другим — свежим, новым, ещё не тронутым временем. Без вековой патины, без

облупившейся краски, без туристических толп у входа. И от этого он казался незнакомым и родным одновременно.

— Господи, — прошептала она. — Он такой же... и совсем другой.

— Ты его видела? — удивилась Лиза, но быстро спохватилась и добавила шёпотом: — То есть... в книгах?

— Да, — ответила Мария, переходя на шёпот, чтобы Михаил Иванович не услышал. — Я видела его... но не таким. Не в это время.

Она замолчала, чувствуя, как внутри разливается странное волнение. Она помнила Смольный с обшарпанными стенами и следами реставрации. А сейчас он сиял, как будто только что родился. И она понимала — она одна из первых, кто видит его таким. И, возможно, одна из последних, кто увидит его таким.

Михаил Иванович помог им выйти из экипажа. Лиза прижалась к Марии плечом.

— Ты боишься? — спросила она шёпотом.

— Очень, — честно ответила Мария. — Но я попробую.

Они вошли в ворота. Двор был чистым, выметенным, дорожки посыпаны песком. Девушки в синих и голубых платьях прогуливались по саду, поглядывая на приезжих. Мария смотрела на них и видела совсем другой Смольный — тот, который она запомнила с детства, из книг и из своих прогулок. Но этот был живым, настоящим. И она была частью этого.

Их проводили в приёмную. Комната была небольшой, но светлой, с высокими окнами, выходящими в сад. За столом сидела дама в строгом платье с белым воротничком — госпожа начальница, как поняла Мария. Рядом стоял молодой человек в очках — секретарь, готовый записывать.

Дама подняла глаза на вошедших:

— Здравствуйте. По какому делу пожаловали?

Михаил Иванович шагнул вперёд:

— Дочь друга моего, Мария Попова. Прощение её уже подано и одобрено. Мы явились для собеседования, как было велено.

Госпожа начальница окинула их внимательным взглядом, затем сверилась с бумагами на столе.

— Ах да, Мария Попова. Прощение принято, нам сообщили, что вы... — она слегка приподняла бровь, — ...дочь священника из Тамбовской губернии, желающая получить образование. Что ж, проведём испытание. Если покажете знания, старшему возрасту подобающие, мы зачислим вас.

Мария почувствовала, как сердце забилося быстрее. Она готовилась к этому моменту. Она знала, что умеет.

Госпожа начальница кивнула секретарю. Тот взял бумагу и начал задавать вопросы.

Мария отвечала чётко, без запинки. Прочла отрывок из французской книги с таким произношением, что госпожа начальница приподняла бровь. Написала несколько фраз по-русски и по-французски. Назвала столицы Европы. Всё шло хорошо.

А потом секретарь задал вопрос по арифметике.

— Девица, — сказал он, заглядывая в лист, — скажите-ка: сколько будет, если к трём четвертям прибавить две трети?

Мария замерла.

«Три четверти плюс две трети... — мысли заматались в голове. — Общий знаменатель... двенадцать... девять восьмых? Нет... девять двенадцатых плюс восемь двенадцатых... семнадцать двенадцатых... одна целая пять двенадцатых...»

Она знала ответ. Она точно знала ответ. Но в голове было пусто, как в барабане. Голос секретаря звучал откуда-то издалека, и цифры плясали перед глазами, как чёртики.

— Одна целая... пять двенадцатых... — неуверенно произнесла она.

Секретарь посмотрел на неё, потом на госпожу начальницу. Та едва заметно покачала головой.

Она не знала, чего она ждала, может быть, ей казалось, что её знание современной математики поможет ей, но дрожь в голосе и секундная заминка решили всё. В глазах госпожи начальницы мелькнуло разочарование.

— Мария Дмитриевна, — сказала она после паузы, и голос её стал суше, — знания ваши... неровны. Французский и пение — прекрасно. Но арифметика слабо. В Смольном требуются не только блестящие манеры и язык, но и твёрдое знание основ. Вы не сможете догнать старших воспитанниц, если запинаетесь на простых дробях.

Мария хотела сказать, что она знает, просто растерялась, но слова застряли в горле.

— Я могу сделать для вас исключение, — продолжила госпожа начальница, и голос её стал мягче, — и позволить начать с младшего курса. Но тогда вам придётся начинать с самого начала. С азов. С той же программы, что и шестилетние девочки.

Мария почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Но я знаю всё это, — сказала она. — Я просто растерялась... я могу пересдать...

— Я не сомневаюсь в вашем усердии, — ответила госпожа начальница, и в голосе её послышалось сочувствие. — Но институт наш — не просто школа. Это воспитательный дом, где девицы живут с шести до восемнадцати лет. Здесь важны не только знания, но и привычка к порядку, к совместной жизни, к послушанию. Вы не сможете влиться в старший класс, не пройдя всех ступеней. Это не позволено уставом.

Мария стояла, глядя в одну точку. Внутри неё всё рушилось. Из-за одной дрожи в голосе, из-за одной секундной растерянности.

— Я подумую, — сказала она наконец, и голос её звучал глухо. — Благодарствую.

Она поклонилась и вышла из кабинета.

Лиза уже ждала её в коридоре.

— Ну что? — спросила она, вглядываясь в лицо Марии.

— Я провалила арифметику, — сказала Мария, и голос её дрожал. — Одна дурацкая дробь... я знала ответ, но растерялась. И теперь меня не берут. Только с младшего курса. С шестилетними.

Лиза побледнела.

— Это же глупость! — воскликнула она. — Ты знаешь больше них! Ты просто испугалась!

— Знаю, — тихо сказала Мария. — Но устав есть устав.

Она вышла на улицу, и холодный ветер ударил в лицо. Она стояла на ступенях Смольного, глядя на голубое небо, и чувствовала, как внутри неё всё рушится.

Они вышли в сад. Мария села на скамейку, закрыла лицо руками и заплакала — впервые за долгое время, откровенно, громко, не стесняясь. Лиза села рядом и обняла её.

— Не плачь, — прошептала она. — Мы что-нибудь придумаем.

— Ты даже не представляешь, как я мечтала, — сказала Мария сквозь слёзы. — Я столько лет ждала этого дня. Мой отец... он отдал последние деньги, чтобы я могла подать прошение. А теперь я провалилась из-за одной дурацкой дроби...

Лиза прижалась к ней и заплакала тоже — от сочувствия, от боли за подругу.

Михаил Иванович подошёл ближе и сел на скамейку напротив. Он долго смотрел на них, потом сказал:

— Мария, ведаю я один пансион. Недалече от нашего дома. Там обучают языкам, музыке, рукоделию. И нет там двенадцатилетнего ограничения. Сможешь ходить туда каждый день, а к вечеру домой ворочаться.

Мария подняла на него глаза. В них блеснули слёзы.

— Пансион?

— Да. Французский пансион мадам Ренье. Готовит девиц к званию учительницы. Берут с пятнадцати до двадцати лет. Два года ученья — и сама сможешь преподавать.

Мария замерла. Два года — это реально. Это не двенадцать.

— И я могу видаться с Лизой? — спросила она.

— Будешь жить у нас, — ответил Михаил Иванович. — Как и ныне. А уж я оплачу твоё ученье, Мария. Это невелика цена за то, чтобы дочь моего друга не осталась без образования.

Мария смотрела на него, не веря своим ушам.

— Вы... вы серьёзно, Михаил Иванович?

— Совершенно серьёзно, — усмехнулся он. — А коли не затруднит, могла бы ты и Лизу поучать тому, чему сама научишься. Ей нужна такая наставница, как ты. Я, конечно, учителей нанимаю, но они люди чужие. А ты — своя.

Лиза выдохнула, сжимая руку Марии:

— Слышишь, Мария? Батюшка согласен! Это же славно!

Мария почувствовала, как к горлу подступает новый ком — на этот раз от облегчения и благодарности.

— Благодарствую вам, Михаил Иванович, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я не подведу вас. И Лизу выучу всему, чему смогу.

Купец кивнул, и в его глазах мелькнула тёплая, уверенная доброта.

Лиза наклонилась к ней и прошептала на ухо, чтобы отец не слышал:

— Ты всё равно выучишься. Даже лучше, чем в Смольном. Я знаю.

Мария поправила кружево на рукаве и улыбнулась ей в ответ.

— Спасибо, Лиза.

Они вернулись в экипаж. Ехали молча, но тишина эта была не тяжёлой — она была полна обещаний. Мария смотрела в окно на проплывающие дома, на деревянные мостовые, на людей, которые жили своей жизнью, не зная, что через двести лет их город станет совсем другим. Но она не думала о будущем. Она думала о настоящем. О том, что здесь, сейчас, у неё есть всё, чего она никогда не имела. Дом. Семья. Надежда.

Она знала: она останется здесь.

Не потому, что у неё не было выбора. А потому что она его сделала.

Вечером, когда они вернулись домой, Мария зашла в свою комнату и села на койку. Аскольд подбежал к ней, ткнулся носом в ладонь и замурлыкал.

— Меня не взяли, — сказала она ему, глядя в зелёные глаза. — Но я остаюсь здесь. С тобой. И с ними.

Она прижала его к груди и закрыла глаза.

— И, может быть, это даже лучше.

Глава 8. О том, как один отказ открывает новые двери, а шляпка может изменить жизнь

Обед в тот день выдался поздним. Мария сидела за столом, уставившись в тарелку с остывшим супом, и всё ещё не могла поверить, что Смольный остался позади. Внутри всё ныло — не от голода, а от пустоты, которая образовалась там, где жила мечта. Лиза, напротив, была оживлена и то и дело поглядывала на Марию с тревогой.

— Ты не ешь, — сказала она тихо.

— Не хочется, — честно ответила Мария.

Михаил Иванович отложил ложку и посмотрел на неё внимательно.

— Есть надобно, Мария, — сказал он. — День-то ещё не кончился. А после обеда мы поедем в пансион.

Мария подняла на него глаза.

— В пансион?

— Я ж говорил тебе. К мадам Ренье. Она привечает девиц твоего звания. Я уж послал человека узнать, принимает ли она ныне. Ждут нас сегодня.

Лиза встрепенулась, подалась вперёд:

— Я с вами, батюшка!

— Я и не сомневался, — усмехнулся Михаил Иванович. — Только смотри, не мешай. Там дело серьёзное.

— Я только держать её за руку стану, — пообещала Лиза. — И слушать.

Мария смотрела на них — на купца, который не бросил её с разбитой мечтой, а нашёл ей новую дорогу, и на Лизу, которая готова была идти за ней хоть на край света. В груди потеплело.

— Благодарствую вам, Михаил Иванович, — сказала она тихо. — Я не знаю, чем заслужила такую заботу.

Купец отмахнулся:

— Дочь друга моего детства мне не чужая. Ешь давай. Силы понадобятся.

После обеда Лиза схватила Марию за руку и потащила наверх, даже не дав ей опомниться.

— Идём! Надо собраться! А то опоздаем!

Лиза уже суежилась у кровати, раскладывая принесённые из своей комнаты вещи — платье, шляпку, перчатки, и наконец, с торжественным видом извлекла из шкафа корсет.

— Ну, для начала это, — объявила она, протягивая Марии конструкцию из ткани, шнуровки и, судя по всему, костей. — Снимай платье. Я почти не носила его, так что оно почти

новое. А шляпка вообще новая, мне цвет не идёт, так что забирай. Ты должна выглядеть как настоящая барышня.

Мария послушно стянула серое платье и встала перед Лизой в тонкой рубашке. Та уже держала в руках шнуровку.

— Дыши! — скомандовала Лиза, затягивая шнурки. — И не дёргайся.

Мария почувствовала, как рёбра сдавливают, а воздух куда-то исчезает.

— Это... это варварство, — выдохнула она, хватаясь за спинку стула. — Как в них вообще дышат?

— Ты привыкнешь, — усмехнулась Лиза, продолжая затягивать шнурки. — Главное — не падать в обморок до обеда.

— Я уже хочу упасть в обморок, — простонала Мария, чувствуя, как корсет впивается в рёбра. — В моём времени корсеты носили только бабушки. И то не такие.

— А какие? — заинтересовалась Лиза.

— Мягкие, эластичные, — выдохнула Мария, пытаясь сделать вдох. — Застёгивались на специальные застёжки. Не приходилось... — она закашлялась, — ...завязываться, как мешок с картошкой.

Лиза засмеялась, но шнуровку не ослабила.

— Мешок с картошкой! Ты всё шутишь, а я смотрю на тебя и думаю: «Вот бы мне быть такой же высокой и тонкой».

— Ты хочешь быть высокой и тонкой, — отозвалась Мария, чувствуя, как шнуровка сдавливает рёбра, — или дышать? Потому что я уже выбрала дыхание.

— Дышать, конечно, — засмеялась Лиза, завязывая бант. — Но с таким корсетом ты будешь выглядеть так, что все кавалеры будут падать в обморок. А я им завидовать.

— Если я упаду в обморок, — простонала Мария, — кавалерам не на кого будет смотреть.

— Стоять! — скомандовала Лиза, дёрнув шнуровку в последний раз.

Мария посмотрела на себя в зеркало. Талия стала вдвое уже, спина выпрямилась, и она действительно выглядела иначе. Как настоящая барышня. Если не считать того, что дышать было решительно невозможно.

— Ну как? — спросила Лиза.

— Я чувствую себя затянутой в консервную банку, — честно ответила Мария. — Но выгляжу... неплохо.

— Вот и отлично! — Лиза хлопнула в ладоши. — Теперь шляпка!

Она ловко надела серую шляпку с атласной лентой, поправила локоны и отступила на шаг, любуясь результатом.

— А теперь — в Пансион! — объявила она.

— В Пансион, — эхом отозвалась Мария, делая крошечный вдох. — Если я доберусь до него без потери сознания.

Пансион мадам Ренье помещался в небольшом двухэтажном особняке на одной из линий Васильевского острова — недалеко от Кожевенной, но в более благопристойной части. Фасад был выкрашен в нежно-жёлтый цвет, окна высокие, с белыми наличниками. У входа стоял аккуратный чугунный фонарь. Всё выглядело прилично, даже уютно, но без лишней пышности.

Их встретила сама мадам Ренье — дама лет сорока, в строгом тёмном платье с белым кружевным воротником. Она говорила по-русски с заметным французским акцентом, но держалась просто и приветливо.

— Господин Воронцов, — сказала она, приглашая их в гостиную. — Я получила ваше послание. Это и есть та девица?

— Она самая, — кивнул Михаил Иванович. — Мария Попова, дочь священника из Тамбовской губернии. Желает получить образование.

Мадам Ренье окинула Марию внимательным взглядом — не строгим, но изучающим.

— Сколько вам лет, мадемуазель?

— Восемнадцать, сударыня.

— Хорошо. И что вы уже умеете?

— Читаю и пишу по-русски и по-французски, — ответила Мария. — Играю на клавесине, знаю арифметику, немного историю и географию.

— Превосходно, — мадам Ренье слегка приподняла бровь. — В таком случае испытание будет недолгим.

Она провела их в небольшую светлую комнату, где стояли столы и стулья для занятий. На столе лежали бумага, чернильница и перо.

— Напишите мне несколько строк по-французски, — сказала мадам Ренье. — О чём угодно. О себе, о том, зачем вы хотите учиться.

Мария взяла перо, обмакнула его в чернила и, не раздумывая, написала:

«Je m'appelle Maria Popova. Je suis venue à Pétersbourg pour apprendre, pour devenir utile, pour vivre une vie qui a du sens. Je crois que l'éducation est la lumière de l'âme.» (*«Меня зовут Мария Попова. Я приехала в Петербург, чтобы учиться, чтобы быть полезной, чтобы прожить жизнь, которая имеет смысл. Я верю, что образование — это свет души.»*)

Она протянула лист мадам Ренье. Та прочитала, и на её лице появилась лёгкая, одобрительная улыбка.

— Хороший почерк. И мысли правильные. Скажите, мадемуазель, а вы поёте?

Мария кивнула. И запела — тихо, но чисто, ту самую «Ave Maria», которую уже пела в Смольном.

Когда она замолчала, мадам Ренье помедлила, потом сказала:

— Я беру вас. Занятия начнутся в ближайший понедельник. Приходить будете по утрам, с восьми до двух. Обед здесь. Плата — двести пятьдесят рублей в год. За книги и принадлежности — отдельно.

Мария перевела взгляд на Михаила Ивановича. Тот кивнул, не колеблясь:

— Договорились.

Мадам Ренье достала лист бумаги и начала перечислять:

— Вот что понадобится для занятий. Запишите, мадемуазель.

Она продиктовала список: тетради в кожаных переплётках, чернила, гусиные перья, промокательная бумага, французская грамматика, книга басен Лафонтена, аспидная доска для арифметики и ещё несколько пособий. Мария записывала старательно, чтобы ничего не пропустить.

Когда они вышли на улицу, Лиза схватила её за руку:

— Ну что, Мария? Пансион! Ты будешь учиться! Ты слышала?

— Слышала, — улыбнулась Мария, и впервые за день улыбка была настоящей.

— Теперь за покупками! — объявила Лиза. — Батюшка, вы же не против?

Михаил Иванович усмехнулся:

— Против. Но ты сначала домой заехать дай, а то в карете тесно.

По пути домой Лиза не умолкала ни на минуту. Она уже придумывала, какие платья подойдут Марии, какие перчатки и шляпки, как она будет выглядеть в пансионе.

— Ты не представляешь, — говорила она, — какая ты будешь красивая, когда на тебе будет приличное платье! А то ходишь в этом сером, как монашка.

— Мне нравится мои платья, — возразила Мария, но без особой уверенности.

— Они хорошие, но слишком простые! — отрезала Лиза. — Ты теперь воспитанница пансиона. Ты должна выглядеть достойно.

Михаил Иванович слушал этот разговор и лишь покачивал головой, но спорить не стал.

Дома Лиза, не дав Марии опомниться, потащила её в комнату. Мария шла за ней, чувствуя, как корсет сжимает рёбра с каждым шагом. Она мечтала только об одном — снять эту средневековую пытку.

— Лиза, — простонала она, — можно я сначала выдохну? То есть... разденусь?

— А, да, — спохватилась Лиза. — Я и забыла, что ты в корсете. Снимай скорее, а то мы опоздаем в Гостиный двор.

Мария не заставила себя просить. Она стянула платье и принялась расшнуровывать корсет с таким отчаянием, будто спасалась от утопления. Когда шнуровка наконец поддалась, она сделала такой глубокий вдох, что Лиза засмеялась.

— Так и будешь стоять? — спросила Лиза, уже роясь в шкафу. — Одевайся. Вот, возьми. Это моё домашнее платье, свободное, не сдавливает.

Мария надела платье и почувствовала, как возвращается способность дышать. Ткань была мягкой, юбка не такой пышной, и она наконец почувствовала себя человеком.

— Господи, — выдохнула она, — час в этом корсете — и я готова продать душу за свободу. Как вы в них живёте?

— Привыкаешь, — усмехнулась Лиза. — Но дома я тоже снимаю. Ольга Петровна говорит, что это вредно.

Мария мысленно поблагодарила Ольгу Петровну и повернулась к Лизе, которая уже принялась разбирать её вещи.

Мария смотрела на свой скудный гардероб: серое платье, тёмно-синее и больше ничего приличного. Лиза всплеснула руками:

— Боже, Мария! У тебя даже шляпки нет! А перчатки? А платье для выходов?

— У меня есть тёплая шаль, — робко заметила Мария.

— Шаль! — Лиза закатила глаза. — Это же Петербург, а не деревня! Ты будешь ходить в пансион, а не в огород! Всё, решено: мы едем в Гостиный двор.

Мария хотела возразить, но Лиза уже схватила её за руку и потащила к двери.

— Батюшка, — крикнула она в коридор, — мы едем в Гостиный двор! Марии нужно всё — от платьев до писчих принадлежностей! Дайте нам Фёдора Юрьевича и Гришку, чтобы они помогли с покупками!

Из кабинета донёсся голос Михаила Ивановича:

— Только смотри, Лиза, без глупостей. Не разори меня!

— Не разорю, батюшка! — пообещала Лиза и добавила шёпотом, уже для Марии: — Почти.

Гостиный двор в 1780 году ещё только достраивали — его возводили по проекту Валлен-Деламота с 1761 по 1785 год. Но здание уже было огромным, с четырьмя линиями галерей, где располагались десятки лавок. Правда, этим летом здесь случился большой пожар — и теперь на месте сгоревших деревянных рядов зияли пустоты, пахло гарью, а купцы торговали прямо с телег, разложив товары на досках и ящиках. Каменная часть, обращённая к Невскому проспекту, уцелела, и там жизнь уже кипела вовсю.

Экипаж остановился у Невской линии. Лиза выпорхнула первой, Мария следом, чуть робея. Фёдор Юрьевич, степенный и серьёзный, и Гришка, шустрый парень лет двадцати, пошли за ними следом, готовые тащить покупки.

Гостиный двор гудел голосами, звенел деньгами, пах кожей, сукном, духами и горячими пирожками из уличных лотков. Лавки тянулись вдоль галерей бесконечной вереницей: суконные, шёлковые, галантерейные, книжные, писчебумажные.

Первым делом Лиза потащила Марию к суконным рядам. Гостиный двор гудел, как встревоженный улей: крики торговцев, звон монет, скрип телег, запах кожи, сукна, дубов и жарен-

ных пирожков с улицы. Кто-то толкнул Марию локтем, кто-то ругнулся, и она почувствовала себя маленькой лодкой в бушующем море.

— Вот это, — сказала Лиза, указывая на отрез тёмно-зелёного сукна, — тебе на платье. А это — на второе, вишнёвое. И ещё серое, но с кружевом. Учиться нужно в приличном виде!

Но Мария уже повернулась к купцу, важному мужчине с окладистой бородой, и, набравшись смелости, спросила:

— Сударь, сколько стоит аршин этого зелёного сукна?

Купец окинул её взглядом и назвал цену, явно завышенную для деревенской девушки. Лиза посмотрела на Марию с удивлением:

— Ты умеешь торговаться?

— В моём времени я торговалась только за скидку на туалетную бумагу в «Магните», — призналась Мария. — Но принцип, думаю, тот же. Надо делать вид, что ты готова уйти.

Она повернулась к купцу с самым скучающим лицом, которое смогла изобразить:

— Сударь, два аршина зелёного сукна — это, конечно, хорошо, но не многовато ли для платья, которое я буду носить в пансионе? Я же не императрица, чтобы каждый день новый наряд заказывать.

Купец опешил:

— Но вы же барышня!

— Барышня, которая не хочет ходить с подолом, в котором можно утопить кота, — парировала Мария. — Давайте три четверти. И я ещё возьму у вас кружево.

Купец покраснел, посмотрел на Лизу, потом снова на Марию.

— Эх, барышня, — сказал он, качая головой, — ну, три четверти так три четверти. А кружево я вам скину, потому что с вами торговаться — себя не уважать.

Мария улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается лёгкая гордость. Она только что переиграла купца XVIII века. Это было почти так же приятно, как найти редкую книгу в архиве.

— А ты, я гляжу, не промах! — засмеялась Лиза, хватая её под руку. — Только что из деревни, а уже купцов в гроб загоняешь!

Мария хотела возразить, но Лиза уже торговалась с другими купцами с такой страстью, что те только разводили руками и уступали. Мария смотрела на это и думала: «В моём времени мы бы просто заказали всё в интернете. А здесь... здесь я наблюдаю живое искусство переговоров. И Лиза — гений этого искусства».

— Это ещё не всё! — объявила Лиза, когда свёртки с тканью были переданы Гришке. — Тебе нужны перчатки. И шляпка. И туфли.

— Зачем мне столько? — спросила Мария.

— Затем, что ты теперь воспитанница пансиона мадам Ренье, — ответила Лиза тоном, не терпящим возражений. — Ты должна выглядеть как образованная девица, а не как деревенская служанка. К тому же, ты дочь священника, и ты представляешь наш дом!

Мария сдалась. В конце концов, Лиза была права — ей действительно нужно было выглядеть достойно. И, если честно, ей самой было любопытно примерить то, что она видела только на старых картинах.

В галантерейной лавке пахло кожей и духами. Там были разложены веера, шкатулки, ленты, кружева, и Мария почувствовала себя в музее, где всё можно было потрогать. Она провела пальцем по шёлковому платку и поймала себя на мысли: «В моём времени это было бы за стеклом. А здесь просто лежит на прилавке. И я могу это носить».

Лиза выбрала несколько пар лайковых перчаток, шёлковый платок и две шляпки — одну для будней, другую для выходов. Шляпки были из тонкого фетра, с атласными лентами — именно такие носили в 1780-х годах образованные девицы. Мария посмотрела на них и подумала: «Ещё год назад я бы сказала, что это старомодно. А теперь я понимаю — это классика. Классика, которую я буду носить».

— Вот, — сказала Лиза, надевая на Марию одну из них и поворачивая её к зеркалу. — Теперь ты похожа на барышню!

Мария посмотрела на своё отражение и не узнала себя. На неё смотрела молодая женщина в изящной шляпке, с тонкими чертами лица и глазами, в которых больше не было страха. Только любопытство. И лёгкое удивление — неужели это она?

— Это я? — тихо спросила она.

— Ты, — улыбнулась Лиза. — Только настоящая.

После тканей и шляпок они отправились в книжную лавку за писчими принадлежностями. Купец в лавке, узнав, что покупки для воспитанницы пансиона, расстарался и показал лучшие товары: тетради в кожаных переплётках, чернильницу из тёмного стекла, гусиные перья, промокательную бумагу. А потом Мария увидела книги. Французскую грамматику. Басни Лафонтена. Она взяла их в руки и почувствовала, как внутри разливается то самое тепло, которое она всегда чувствовала в архиве.

«Я знаю эти книги, — подумала она. — Я читала их в других изданиях. Но эти... эти пахнут так же, как и те. Только они настоящие. Они живые. И они теперь мои».

Гришка нёс всё это ворохом, перевязанным бечёвкой.

— Теперь у нас есть ткань, — сказала Лиза, довольно оглядывая свёртки. — Но это ещё не всё. Надо, чтобы это стало платьями.

Она взяла Марию под руку и повела её к портному.

— У меня есть один, он шьёт для меня и для папеньки. Очень хороший мастер. Кажется, француз. Или немец. — она махнула рукой. — Не важно, главное, что шьёт лучше всех.

Мастерская мсье Этьена пахла сукном, воском и сладковатым ладаном, который использовали для пропитки ниток. Сам портной оказался невысоким, сухощавым мужчиной в очках, с сантиметровой лентой на шее. Увидев Лизу, он расплылся в улыбке и заговорил с лёгким акцентом, который Мария сразу узнала — французский, но с немецкими нотками.

— Мадемуазель Воронцова! Какая радость! Давно вас не видел. Новый наряд заказать изволили?

— Здравствуйте, мсье Этьен, — сказала Лиза. — На этот раз не для меня. Для моей подруги, Марии. Она будет учиться в пансионе мадам Ренье. Ей нужны платья. Мы уже купили ткани, теперь нужен ваш талант.

Портной окинул Марию быстрым, цепким взглядом — таким профессиональным, что ей показалось, будто её раздели. Он снял с шеи сантиметровую ленту и начал измерять: плечи, талию, длину рукава. Он делал это быстро, ловко, бормоча что-то по-французски себе под нос. Мария стояла смирно, чувствуя себя музейным экспонатом, который готовят к реставрации.

— Очень хорошая фигура, — сказал он наконец. — Тонкая, но не слишком худощавая. Платье будет сидеть прекрасно.

Он записал мерки в маленькую книжечку и поднял на неё глаза:

— Какой фасон изволите, мадемуазель?

Мария растерянно посмотрела на Лизу. Та подошла ближе и заявила:

— Два платья для занятий. Простые, но из хорошего сукна. Одно тёмно-зелёное, другое — серое, но с кружевным воротником. И одно вишнёвое для выходов, с поясом и рукавами с буфами.

Мария слушала и думала: «В моём времени я бы просто купила готовое платье. А здесь... здесь я выбираю ткань, фасон, кружево. Я — соавтор своей одежды. И это, чёрт возьми, приятно».

Мсье Этьен кивал, записывал, делал пометки.

— Платья для занятий будут сшиты к понедельнику. Выходное — через неделю. Приходите на примерку через три дня, посмотрим, как сидит.

Он взял у Гришки свёртки с тканью и уложил на длинный стол. Мария заметила, как ловко он раскладывает выкройки, как уверенно держит ножницы. «Человек, который знает своё дело, — подумала она. — В моём времени его бы назвали „эксперт“. А здесь — просто портной. Но он счастлив, потому что делает то, что любит».

Когда они вышли из мастерской, Мария перевела дух.

— Я никогда не заказывала платье у портного, — призналась она, чувствуя, как её накрыла волна нежности. — В деревне... маменька шила всё сама.

Она поймала себя на этом «маменька» и мысленно усмехнулась. «Уже вживаюсь в роль, — подумала она. — Ещё неделя — и я буду называть её мамой без всяких оговорок. А ведь она действительно заслужила это. Ксения — хорошая женщина. И она любила свою дочь. А я теперь — её дочь. Хотя бы здесь».

Лиза посмотрела на неё с лёгким удивлением, но ничего не сказала. Она уже привыкла к странным речам подруги и не удивлялась, когда та называла деревенскую жизнь «в деревне», а мать «маменькой», как будто сама была частью той семьи.

— Теперь будешь заказывать, — сказала Лиза. — Ты — воспитанница пансиона. И ты должна выглядеть как настоящая барышня.

Мария оглянулась на Гостиный двор. Его галереи, арки, колонны — она знала, что через двести лет он будет стоять на том же месте, почти не изменившись. Она, Марина, будет проходить по этим галереям. А сейчас она стояла здесь, в 1780 году, с новыми платьями и книгами, и чувствовала, как внутри неё рождается что-то новое.

— Спасибо тебе, Лиза, — сказала она. — Я не знаю, что бы я делала без тебя.

— Была бы серой мышью, — фыркнула Лиза, но глаза её улыбались.

Лиза сидела в экипаже и перебирала покупки, когда вдруг спохватилась:

— Мария, а как же занятия? Мы купили всё, но ведь в пансионах, говорят, учатся только с сентября. Мы ведь не опоздали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.